

**Институт повышения квалификации работников
телевидения и радиовещания**

В.М.Березин

**Нравственные аспекты
телевизионной коммуникации**

Москва 2003

Оглавление

Введение	3
1. Функции и дисфункции телевизионной коммуникации.....	6
2. Традиции и основания нравственной ТВ–коммуникации.....	11
3. Телевизионная коммуникация: идеалы и реалии, традиции и современность.....	25
4. Истинное и неистинное как нравственные отношения. К вопросу об «особости» политической коммуникации.....	42
5. Символика и мифология политической телевизионной коммуникации.....	53
6. Языковые игры в политической телевизионной коммуникации.....	61
7. Игра в «сенсацию» как безнравственность.....	67
8. Сущностно-содержательные аспекты нового в телевизионном тексте, делающие его нравственным и публицистическим.....	77
9. ТВ-коммуникация как умножение новости со–бытия людей.....	89
Заключение.....	104
Литература.....	106

Русские ученые-филологи всегда связывали слово устное, слово письменное с нравственностью. Ведь слово может высоко поднять человека, а может и унижить, убить. П.Я.Чаадаев писал, например, что слово – настоящая основа слияния сознаний и мирового развития разумного существа, составная часть нравственного мира.¹ Еще более могучей силой обладает звукозрительный образ.

Во многих европейских языках слово “совесть” этимологически означает “совместное знание”. В русском языке значение этого слова также происходит от древнерусского “ведать” (знать). Следовательно, совесть и сознание – слова родственные по своим духовным пракорням. Совесть – это субъективное осознание личностью, другими людьми своего долга и ответственности перед обществом и самим собой, – определяет Словарь по этике (М., 1975). Она может проявляться не только в форме разумного осознания нравственного значения совершаемых действий, но и в форме эмоциональных переживаний.

Сам язык показывает нам как в постижении главных истин бытия человек определял главный инструмент самоорганизации, осуществления самого себя, то есть совесть. Ведь язык представляет собой таинство, – говорил Норберт Винер, а концепция мудрости может быть заложена в слове так же, как например в загадке сфинкса.²

Совесть как совместное знание, как осознание и переживание ответственности перед обществом, группой, другими людьми и самим собой определялась человеком в результате нескончаемого

¹ Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. В 2-х т. Т.1. М., 1991, с.439.

² Винер Н. Кибернетика и общество. М., 2000, с.80.

познавательного процесса – от древних наивно-созерцательных его этапов до современных вдумчиво- и рефлексирующе-аналитических. Но уже к началу нашей эры такие понятия как стыд, правда, долг становятся общественными стражами в индивидуе. Об этом говорили, например, философы античности, которые считали, что эти сущностные для человека черты опосредствуют влияние разума на склонности.

Однако протагорову формулу “человек – мера всех вещей”, этику Демокрита и Сократа некоторые философы как прошлого, так и настоящего склонны считать выражением отрицательных, разрушительных сторон древнегреческой культуры, так как нравственность переносится ею всецело в субъект, личностная мораль абсолютизируется.

Из подобной индивидуалистической позиции выводятся и такие беды сегодняшней России как нравственный релятивизм, плюрализм точек зрения и взглядов без стремления свести их к общезначимым истинам и высшим нравственным ценностям, выработанным человечеством. К ценностям, которые в большей или меньшей степени (которая зависит от исторических условий жизни человека, национальных, религиозных, культурно-политических их особенностей), исповедует личность, индивид.¹

У нравственности поэтому всегда сохраняется, пусть и с некоторыми оттенками выражения, одно лицо. Оно характеризуется античными и более поздними философскими представлениями о стыде, правде, долге, добродетели, справедливости, благе, заповедями священных текстов. Русский православный человек, например, исповедует принцип: мне стыдно – значит я существую.

¹Хабермас Ю., ссылаясь на мнение П.Тэйлора, отмечает, что существует обоснованное подозрение относительно того, что притязание на универсальность, которым этические когнитивисты наделяют тот или иной предпочитаемый ими моральный принцип, основано на “этноцентрической ошибке”. Во всяком случае воля большинства приобретает моральные качества, если она основывается на таком всеобщем интересе, который может быть установлен в процессе политического или иного дискурса и доказан при помощи рациональных аргументов. (Ю.Хабермас. Моральное сознание и коммуникативное действие. Спб.,2000, с.124, 340).

У безнравственности – много лиц, и их количество, их конкретные выражения формируются не стихийно, не бессознательно (сугубо биологически), а на основе вполне осознанных (и часто – совместно осознанных, что очень страшно, так как ведет к своего рода антисовести) прагматических целей, корыстных личностных и сектантских (партийных, клановых) интересов.

И роль коммуникации в обеспечении такой деформации нравственного сознания необходимо выявлять. Необходимо разоблачать многие приемы и превращения коммуникации от внешне “благостных” и непорочных их одежд.

1. Функции и дисфункции телевизионной коммуникации

Ю.Лотман писал о противоборстве в массовой коммуникации текстов высокой и низкой ценности, на полюсах которого находятся тексты, которые спасают и те, которые губят. Эта мысль перекликается со словами священномученика Иллариона о том, что в святоотеческих текстах истина всегда оценивается по тому, полезна она для спасения, или нет.¹

Нравственные аспекты любого вида коммуникации, любого вида журналистского текста трудно вычленишь поэтому в особую группу, трудно классифицировать самих по себе, без связи с эстетическими, социально-политическими и научными их сторонами. Ведь отношение к соблюдению основных моральных принципов пронизывает всю деятельность человека. В любом виде художественной или документальной коммуникации, при создании любого печатного или визуального текста его автор стоит перед нравственным выбором: какое событие, явление, факт человеческой жизни

¹ Цит. по: Ю.Буданцев. Ведущие образы нашего сознания. М., 2003.

показать, в каком свете их охарактеризовать, к каким выводам и прогнозам прийти. А так как, во-первых, само бытие, сама жизнь часто балансируют на грани со своими антиподами – смертью, небытием, а во-вторых, зло всегда обладает большей устойчивостью и искусительностью, чем добро, то этот нравственный выбор может приводить к драматическим последствиям для получателя сообщения, для развития ситуации – сюжета сообщения, да и для его автора.

С еще большей трудностью сталкиваются исследователи нравственной проблематики при изучении телевизионной коммуникации. Ведь сообщения и тексты печатной коммуникации можно изучать и по истечении времени после их публикации, обращаться к ним неоднократно в целях прояснения или углубления их сути.

Телевизионная коммуникация складывается из непрерывного потока эмоционально насыщенных аудиовизуальных образов, поэтому она оказывает большое влияние на аудиторию на уровне подсознания. Телезрителю (в том числе и исследователю ТВ) часто трудно выявить элементы иррациональности телепоказа, обнаружить логические нестыковки или, наоборот, антигуманную в целом, запрограммированную авторами логику различных фрагментов телевизионного аудиовизуального текста. Об этих особенностях телекоммуникации пишут, например, В.В.Егоров, А.П.Короченский и другие исследователи. В.В.Егоров называет инвариантность, многоканальность ТВ-коммуникации одним из главных свойств телевидения как носителя массовой культуры.¹

Нередко бывает, что в доброжелательных в целом телепередачах какое-либо высказывание, включенный музыкальный фрагмент или картинка напрочь перебивают общий нравственный потенциал передачи. В

¹Егоров В.В. Телевидение между прошлым и будущим. М. – 1999, с. 236. См. также: Короченский А.П. “Пятая власть”? Феномен медиакритики в контексте информационного рынка. Ростов-на-Дону, 2002, с.65.

лучшем случае – это недосмотр, случайность. Но как, например, расценивать передачу “Публичные люди” (ТВС, 10 марта 2003 г), где в двух праздничных по сути сюжетах две героини – бывшая актриса, а ныне председатель колхоза Татьяна Агафонова и певица Маша Распутина с восторгом, прямо-таки упоенно говорят, как они в своем творческом процессе, в поле и на концерте, ругаются матом и как при этом их любят, в одном случае – трактористы, в другом – любители эстрады?

Все добрые слова, которые ведущий произнес в адрес женщин в начале передачи, меркнут перед этими эпатажными эпизодами.

А ведь это были повторы прошлогодних сюжетов. Невольно возникает мысль, а не реанимированы ли эти интервью во время прохождения в Государственной Думе “Закона о русском языке” и разного рода “слушаний”, на которых многие депутаты открыто употребляют ненормативную лексику? Телевидение, кстати, по всем каналам эти слушания с удовольствием показывает, а канал “Культура” с повторами показывает передачу М.Швыдкого из цикла “Культурная революция” под названием “Без мата нет русского языка”.

В этот же период (конец 2002 – начало 2003 года) телевидение демонстрировало в вечернее время и другие передачи с “блестящими” образцами сочного матерного слова, которое не могли перебить никакие глушилки. Например, в многосерийной передаче поэта И.Губермана .

Зарубежные и отечественные исследователи социалистического ТВ, еще в 70-е годы противопоставлявшие характер и суть его вещания буржуазной ТВ-коммуникации, подняли тему возможных дисфункций телевидения в условиях отхода его коммуникации от нравственных начал.

Понятие “дисфункция” пришло из биологии, где оно обозначает нарушение, расстройство функций какого-либо органа или системы. Причем расстройство это носит преимущественно качественный характер.

На Международном симпозиуме “Человек в системе массовых коммуникаций” в Софии (1972 г.) П. Кампеану высказал ряд далеко идущих прогнозов относительно социально-коммуникативной роли ТВ. Он, в частности, подчеркивал, что телевидение обладает рядом в большей или меньшей степени потенциальных дисфункций. Обычно эти дисфункции объясняются природой социально-политической системы, в условиях которой действует телевидение. Исключение составляет дисфункциональный потенциал самой технической структуры ТВ, объективно не зависящий от указанных факторов, но автономно проявляющийся в генезисе мировой телевизионной коммуникации.

Как мы полагаем, исходя из этих “запрограммированных” потенциальных дисфункций, телевидение с ростом культурных потребностей общества, иницированных в большой степени возможностями телевизионной техники, может развиваться двумя путями.

Во-первых, оно может продолжать выполнять присущие ему гуманистические функции (назовем их: информационную, образовательно-просветительскую, нравственно-воспитательную, научно-публицистическую, художественную и – шире – гедонистическую (развлекательную)).

Во-вторых, телевидение способно в силу экономических или идеологических факторов проявлять ряд дисфункций, якобы вытекающих из характера самих растущих культурных потребностей в обществе.

Ученые, защищавшие в то время социалистические идеи, искренне полагали, что социализм органически не совместим с мифами разного рода, что он несет добро, истину и справедливость и поэтому является основой функциональной, а не дисфункциональной деятельности телевидения.

Ю.П.Буданцев в конце 70-х годов, когда с моральным состоянием общества было все вроде бы в порядке, пытался привлечь внимание к прогрессирующей в западных СМК трансформации телевизионных сообщений и текстов в сторону их дисфункциональности.

Информационные сообщения, – писал он, – никогда не бывают нейтральны, а подчиняются функциональной деятельности всех систем СМК. Она в свою очередь связана с целевой функцией общества, с господствующей в нем концепцией человека. Функциональные формы таких сообщений, организация их частей зависит от формы господствующих в данном обществе отношений, а стиль отражает наличие или отсутствие в обществе реального гуманистического начала. Если сообщение не этично в этом смысле, оно функционально не эффективно, поскольку не соответствует гуманистическому идеалу. Этичность, – заключает Ю.Буданцев, – и выражает степень гуманистической оправданности включения тех или иных элементов в структуру произведения, их взаимодействия друг с другом, а также с автором и аудиторией. При несоблюдении критерия этичности журналистика превращается в дисфункциональное средство, в средство отклонения общества от гуманистически оправданной цели.

Но дисфункциональность проявлялась и в социалистических условиях телевизионной коммуникации. Например, в резком преувеличении тех или иных функций, идеологической прежде всего, в ущерб остальным. Нравственно-воспитательная функция, сосредоточенная лишь на общих рациональных принципах мироустройства, упускала из виду личностные, сокровенные движения души человека. Лишь когда ТВ, как бы спохватившись, возвращалось к этой линии отображения реальности, экранная коммуникация могла доложить о своих достижениях. Назовем некоторые серии “Летописи полувека”, циклов “Наша

биография”, “От всей души”, ряд документальных фильмов И.Беляева, Д.Лунькова, М.Голдовской.

Но главное состояло в том, что дисфункциональность не была столь массивной и отступающей перед функциональностью по всем позициям, как это было на ТВ буржуазном.

2. Традиции и основания нравственной ТВ-коммуникации

Телевизионный публицистический текст необходимо рассматривать как запечатленный видео или телекамерой процесс индивидуального или коллективного мышления с ярко выраженной нравственно-гуманистической направленностью.

Философ М.К.Мамардашвили в своих беседах по эстетике мышления считал основаниями последнего добро и истину. Но при этом просто желания добра, говорил он, чтобы оно не обернулось злом, как это обычно бывает, недостаточно. Добро в мышлении, в со-мышлении, чем должна являться в идеале массовая коммуникация, постигая смыслы (со-мыслы) жизни, – это особое искусство. Необходимо различать добро как вид желания и реальное добро, приносимое в результате актов мысли. “Собственно, язык религии и был нужен для того, чтобы отличить человека, стремящегося к добру, от человека, действительно доброго”.¹ Философ даже указывает на инфантильность русской культуры, в которой до сих пор требуются большие усилия для понимания всей глубины нравственного значения коммуникации между людьми.

Мысль нельзя подумать механически, она рождается из душевного потрясения, – продолжает М.Мамардашвили. В этом плане по своей невозможности с ней можно сравнить любовь. Удивиться, например,

¹ Мамардашвили М. Философские чтения. Спб., 2002, с. 184.

невозможной жизни, что она таки есть, и думать об этом – это и есть мысль. Мыслящий, размышляющий субъект (в нашем контексте – коммуникатор) в процессе мышления, со-мышления, коммуникации не должен себя украшать, компенсировать в себе какие-то недостатки, наказывать кого-нибудь другого посредством мысли. А ведь сколько в истории, – отмечает философ, – персонажей, у которых были не мысли, а способы, посредством которых эти люди лишь переживали какие-то в них существовавшие, совершенно независимые и до мысли возникшие состояния души. Когда через мысль просто канализировались комплексы, зависть, гнев, претензии к миру, желание самоутверждения, желание дополнить себя чем-то.

Эти слова как нельзя лучше характеризуют многих современных коммуникаторов как в печатных, так и в электронных СМК. В современных процессах коммуникации как и издревле, во времена, например, Платона, слова которого цитирует М.Мамардашвили, можно выразить нечто весьма ценное, нравственно значимое, что мелькнуло лишь на какое-то мгновение, только в атмосфере свободной беседы. Когда это нечто может, как искорка, вспыхнуть в воздухе между разговаривающими людьми на какую-то секунду, без преднамерения у того, кто говорит.

Главный вывод философа в цитируемой беседе заключается в том, что для свершения добра в мире, в котором все далеко не прямо, а криво, нужен труд. Реальность далеко расходится с представлением. В следующих беседах он конкретизирует, четче описывает, если выразиться в терминах нашего дискурса, вектор коммуникативного действия, направленного на потенциальных и действующих субъектов коммуникации. Он говорит, что рассуждая о сущности добра и зла, часто обращают внимание на наличие у них весьма странных свойств: добро есть

нечто, что каждый раз нужно делать заново, специально, а зло делается само собой. И этим же свойством обладает, в частности, совесть.

Действительно, когда человек совестлив, он “держится” в своей совести. Он как бы впервые за всех, за все человечество совершает самостоятельный акт совести, не надеясь на других, на тех, кто сделал это до него.

Однако порой, как говорит М.Мамардашвили, замечаящие названные свойства люди мечтают о создании некоего механизма счастья, способного производить среди окружающих справедливость и социальную гармонию. И заключает, что нет в мире естественного механизма добра, а нравственные основания должны находиться в области смыслов (со-мыслов – В.Б.) и ценностей человеческой жизни, ее воспроизводства в пространстве и во времени.

Когда человек рассуждает: покажите мне добро и я буду добрым, – то он не плох сам по себе, но если он действительно так думает, он еще не мыслит. Такое думанье, размышляет философ, относится к немышлению. И как точно далее характеризует он современную массовую коммуникацию! “Однако удивительно, что именно немышлением заполнены в наше время миллионы книг и иногда оно преобразуется еще в литературу так называемого научно-фантастического жанра, в которой обсуждаются социальные модели или моральные вопросы. В них вызывает удивление не фантастика содержания, а фантастический способ рассуждения, в ходе которого не выполняются элементарные правила мысли... Если рассуждать, что можно быть моральным ради пользы, то это не моральное суждение, ...мораль вообще, в принципе не имеет эмпирических оснований, она по определению бескорыстна”.¹

¹Мамардашвили М. Указ. соч., с.204.

Следовательно, необходимо выделять в коммуникативных процессах действительную мысль, а она появляется, когда есть предмет, о котором можно мыслить. “Между тем о сражениях люди часто просто бессмысленно и беспечно разговаривают. И во всех этих разговорах акт мысли, естественно, отсутствует; они сопровождаются псевдоактами мысли, ее симулякрами. Такие люди обсуждают, кто счастлив, а кто нет, есть ли законы счастья-несчастья и т.д. Эти бесконечные разговоры и заполняют чаще всего романы, повести, эссе и даже научные статьи”.²

Философ приводит здесь в основном примеры из литературы и печатной журналистики, но телевидение, особенно современное, постсоветское, каждый день дает нам примеры передач и сериалов или полностью безнравственных, или же построенных на механических, рационально-бездушных принципах морали, “псевдоактах мысли”.

Начало XXI века было отмечено в России в исторической науке, социологии и культурологии первыми попытками комплексного, без разрывов и изъятий, без вульгарной политической ангажированности рассмотрения истории и культуры страны. Попытками объективного выявления в советском прошлом страниц и ценностей, так или иначе продолжающих линию самобытного нравственного и духовного развития народов и народностей России, объединившихся вокруг русского народа. Мы не будем здесь касаться проблем, связанных с якобы добровольным уходом в декабре 1991 г. из Советского Союза его основных соучредителей – России, Украины и Белоруссии и упразднением на основе этого Советского государства. Примем этот факт как историческую данность. Осталась Россия, Российская Федерация, правопреемница и наследница

² Там же, с. 206.

бывшего Союза и той России, “которую мы потеряли”, говоря словами режиссера и политика С.Говорухина, в 1917 году.

Да, действительно, мы многое потеряли по сравнению с той Россией, начиная от западных, южных и восточных территорий огромной страны и кончая верой в ее собственный цивилизационный путь. И если многие потери невосстановимы, то эту веру нужно, крайне необходимо и, самое главное, – возможно восстановить.

Собственно, и выработка национальной идеи, к чему тщетно и не вполне искренне призывал первый российский президент и что было актуализировано после его ухода, невозможна без этой веры. Однако свободный рынок и соответствующее его непрестанное идеологическое обеспечение с фатальной неизбежностью кренятся все время в сторону западного опыта, образцов нещадной конкуренции, голого прагматизма, личностной бездуховности. В этих условиях – не до веры, открывай пошире двери.

А между тем стоит прислушаться к трезвым голосам тех политиков, ученых, журналистов, которые говорят, что с искоренением традиций коллективизма, совестливости, нравственной порядочности, со стремлением поскорее вручить бразды правления во всех сферах жизни тому поколению, которое целиком и полностью воспитано на образцах западной демократии, ее нравственной и культурной вседозволенности, России все труднее будет вернуться в русло самобытного цивилизационного пути, самобытной культурной, образовательной и воспитательной деятельности.

Стали выходить книги, авторы которых пытаются осмыслить более, чем 70-летнюю историю Советского государства в общем контексте цивилизационного пути России, без политико-идеологических “шараханий”, с одной стороны, русофобских и русофильских – с другой.

Имеются в виду, к примеру, монографии “Социалистический канон” (2000 г.), “Советское богатство: статьи о культуре, литературе и кино” (2002 г.). Опубликован и ряд других работ подобного рода. Заслуживает внимания, например, статья В.В.Егорова “Неоконсерватизм и государственная кадровая политика в области СМИ” в сборнике “Основы журналистского образования” (М., 2001), да и другие статьи, опубликованные в этой книге. В таком ракурсе пытаются рассмотреть историю российской культуры, российского социума и его СМИ не только печатные издания так называемой “патриотической” направленности (как будто остальная пресса, а она именуется ныне “демократической”, должна по определению быть непатриотичной) . В том-то и новизна ситуации, что от периода навешивания ярлыков серьезные печатные и электронные издания переходят к разработке конструктивных концепций развития России с учетом положительного и ценного опыта социально-экономических, идеологических, нравственных и эстетических отношений в разные периоды ее исторического пути. Даже такие “ярые” в недавнем прошлом демократы как А.Караулов и А.Гордон в своих программах “Русский век” (ТВЦ) и “Гордон” (НТВ) с помощью приглашенных к разговору известнейших ученых (академиков РАН Вяч.Вс. Иванова, А.Воробьева и др.) пытаются выяснить, как же от революционных, “подстегивающих” историю методов жизнеустройства, когда цель оправдывает средства, перейти, наконец, к эволюционным, опирающимся на все лучшее, гуманное, ценное в традиции. Весьма характерной в этом отношении стала дискуссия, развернувшаяся в прямом эфире передачи “Свобода слова” 4 октября 2002 г. Передача была посвящена теме возможного возвращения памятника Ф.Э.Дзержинскому на Лубянскую площадь, но благодаря тому, что в ней участвовали видные политики, историки, деятели культуры и искусства – как демократы “первой” и “второй” “волн”, так и

представители других, в том числе – неоконсервативных взглядов, дискуссия выявила очень показательные взгляды общественности на степень необходимости резкого слома не только материальных памятников, но и духовных установлений, их породивших.

В роли своеобразного гуру, осмысливающего путь, пройденный Россией в последние десятилетия XX в., стал выступать и известный писатель-сатирик Л.Жванецкий (передача “Дежурный по стране”, ведущий А.Максимов, РТР, 2-3 сентября 2002 г.). Передача – своеобразная смесь юморесок, гротесковых миниатюр, политических памфлетов и едких сатирических монологов. Именно в монологах, которыми нередко заканчивается ответ на вопрос очередного зрителя и которые далеко отходят от художественного контекста и становятся феноменом политики, проявилась тенденция не охаивать огульно прошлое и приукрашивать настоящее (или наоборот). В свойственной ему гротесковой манере писатель сделал и такой вывод, касающийся современного уровня жизни: “Мы вырвались из Бухенвальда и попали в Освенцим”.

Все сказанное должно относиться и к осмыслению истории российской печати истекшего века. Печать, вся пресса – печатная и электронная – должна рассматриваться не в координатах “советское” – “до- или постсоветское”, а с точки зрения соотношений “гуманное-антигуманное”, “нравственное-безнравственное”, “духовное-бездуховное”, “цивилизационное-варварское”, “культурное-антикультурное”, “прекрасное-безобразное”. Этот ряд можно было бы продолжить, но, думается, авторская позиция в целом ясна читателю.

Особо следует подчеркнуть такую категориальную пару, как “общечеловеческое-национальное”. Вокруг этих понятий, собственно, и идут основные споры. Почему-то в последнее десятилетие XX века считалось (многими и до сих пор считается), что американские образцы

культуры, эталоны американской цивилизации и выражают общечеловеческое, которое по определению должны перенимать другие народы и насаждать в различных сферах общественной жизни. Но классики философии и литературы, как русской, так и мировой, всегда говорили, что культура прежде всего должна быть национальна, национальные традиции всегда несут в себе общечеловеческое начало. Именно этим близки нам Фолкнер и Стейнбек, а американцам Толстой и Достоевский. Их собственное национальное жизнепонимание и жизнеощущение никогда не замахивалось на национальные менталитеты других народов и общностей и потому оно было и патриотично и общечеловечно. Русский мыслитель А.С.Хомяков писал еще в середине XIX века: “Мы отложили работу о совершенствовании всего своего, ибо в нас внушали любовь и уважение только к чужому, и это стоит нам нравственного уничтожения. Родной язык не уважен; древний наш прямодушный нрав часто заменяется ухищрением; крепость тела изнеживается; новость стала душой нашей; переимчивость овладела нами...”¹

Если вспомнить В.И.Ленина и его концепцию “двух культур” – буржуазной и пролетарской – в каждой культуре, то, как мы теперь понимаем, действительно в каждой культуре есть две культуры. Одна – та, которая обслуживает интересы промышленного и финансового капитала (по новой терминологии – это “рыночники”, “младореформаторы”, “либеральные экономисты”, “демократы новой волны”, “мафиозные структуры”, то есть те, кто получил свою часть пирога), другая – это культура, предназначенная для низших и средних слоев населения, научной, технической и художественной интеллигенции,

¹ Хомяков А.С. Русская душа. Тысяча лет отечественного любомудрия. М., 1994, с.101.

которые многое потеряли и кроме бьющей по ним свободы вседозволенности ничего не получили. (Об этом говорили, например, на канале ТВС в первый день учебного (2002) года академики Ж.Алферов и П.Капица). Хочется или не хочется это признавать официальным кругам и представляющим их интересы органам СМИ, в России истекшего десятилетия последняя культура целиком погребена первой.

Идейное затухание либерально-демократического движения в России после потери основной цели его – завоевания свобод – является следствием того, что, завоевав свободу для обмена общечеловеческими ценностями, для их порождения, выражения и воспроизводства, страна утрачивает национальные ценности, на одновременной нещадной эксплуатации и критике которых и выросли демократы-диссиденты. Основная из идей буржуазной культуры новейшего времени – теория конвергенции, которая с помощью международного авторитета академика А.Д.Сахарова утвердилась в сознании многих наших политиков и государственных деятелей, в своей лингвистической сути выражает не более, как схождение, сближение, а в биологии – приобретение неродственными организмами в ходе *длительной эволюции* сходного строения и функций. Причем ими должны приобретаться и наследоваться жизненно-важные черты как с одной, так и с другой стороны. То есть это должен быть встречный процесс, двустороннее движение. В нашей политической ситуации, в отражающих ее культурно-исторических феноменах в последние годы этого не наблюдалось. Шло одностороннее разрушение социалистического строя, нравственного поведения и культуры. Это принесло свои горькие плоды, о чем, например, и говорилось в тех телепередачах, которые были упомянуты выше.

Не случайно годовщина августовских событий 1991 г. была в 2002 г. отмечена лишь рядом невыразительных публикаций в газетах, а по

телевидению – трансляцией американского пропагандистского фильма двадцатилетней давности “Огненный лис”, знаковой картины разгара холодной войны, закончившейся гибелью Советской власти и построением капитализма в отдельно взятых социалистических странах. Но если в ряде стран идеи социализма осуществлялись в течение 30-40 лет, то в России этот срок был в два раза больше. Выросло, по крайней мере 2 поколения советских людей. Последующие размышления ученых в рамках ночной программы “Гордон” очень слабо были связаны с этими катаклизмами и совсем никак – с упомянутым блокбастером. Ее участниками не было дано никаких оценок, а общий вывод беседы был таков: революции, сломы государственной машины – это своеобразные фатальные для России возмущения, которые ничего положительного не дали, а лишь привели к утрате ею самобытных традиций (об этом уже говорилось выше).

История российских СМИ в связи с историческими подвижками, как уже говорилось, раскладывается ее исследователями на дореволюционный, советский и постсоветский периоды. В ряде работ, как например в исследованиях А.А.Грабельникова, виден единый системный критерий, которым оцениваются гуманистические, самобытно-цивилизационные качества российской прессы двадцатого столетия. Им является сотворчество журналистов и читателей, редакционный и читательский коллективизм в оценке правил и принципов жизнеустройства российского общества и отдельной личности. Этим отличалась в большинстве своем и дореволюционная российская, и советская печать, традиции продолжили некоторые издания постсоветской печатной прессы.

В ряду исследований по проблемам целостности системы средств массовой информации (исторической, функциональной, видовой, жанровой и т.д.) отметим работу М.В.Шкондина “Средства массовой информации: системные характеристики” (М., 1995). В нашем контексте

интересны выводы автора относительно случаев нарушения этой целостности. Среди прочих он называет и ослабление информационных связей, но имеет в виду преимущественно синхронизм этих связей (национальных, региональных и т.д.).

Между тем систему надо рассматривать и в диахронном аспекте, как систему исторических традиций культуры и, в частности, журнализма. В этом случае, как мы полагаем, также нарушается информационная безопасность государства и личности, так как через СМИ теряется возможность создавать всесторонне обоснованную, адекватную происходящему картину общественной жизни, с максимальной объективностью оценивать события и явления, вырабатывать с помощью обращенных и в историю СМИ личностную позицию и модель поведения. В конечном счете это ведет к расплывчатости, полному исчезновению (или непоявлению) национальной идеи.

Об истории телевидения и радиовещания, этих эффективнейших средств массовой информации, пишут и говорят гораздо более бессистемно, нежели о печатной прессе. Исследования ведутся, как правило, вне какой-либо обобщающей типологии ее периодов, качественных характеристик передач и каналов, основных тенденций развития электронных СМИ. Можно, пожалуй, назвать лишь два больших события последних лет, связанных непосредственно с освещением различных сторон развития телевидения и радио и завоевания ими, в особенности телевидением, самой многочисленной потребительской аудитории (читательская аудитория к началу 80-х гг. была несравненно уже).

Первое событие – это конференция “К вопросу о периодизации истории отечественного телевидения”, прошедшая в 1998 г. в ИПК работников телевидения и радиовещания. На ней присутствовали ведущие

ученые, занимающиеся проблематикой электронных СМИ, организаторы и творческие работники советского телевидения, журналисты, пишущие о ТВ. На конференции была предпринята попытка выработки определенной типологии периодов развития ТВ, анализа структурных, качественных и кадровых изменений на Центральном телевидении и российских каналах в период так называемой перестройки и последовавшей после августа 1991 г. рыночной “перекройки” и “перетряски” телевидения. Впоследствии были изданы “Очерки истории отечественного телевидения”, во многом беллетризованные, но в целом закрывающие брешь в историко-культурном осмыслении пути советского, а затем российского телевидения. В ряде очерков объективно проанализированы особенности советского периода телевизионной культуры и ее преимуществ по сравнению с культурой сформированного ныне (не без помощи государства) буржуазного в целом телевидения. Вскоре увидели свет также статья В.Л.Цвика “Особенности реформирования отечественной системы телевидения в условиях информационного рынка” (Вестник МГУ, серия 10, 1998, №3), монография В.В.Егорова “Телевидение между прошлым и будущим” (М., 1999), книга В.В.Гаспаряна “Три этапа новейшей истории телевизионной журналистики (1985-1998)”, (М., 2000).

Телевидение – выдающееся средство массовой коммуникации (общения людей друг с другом), поэтому оно должно стать и феноменом культуры – в том смысле, в котором понимали культуру философы К.Ясперс, М.Хайдеггер, А.Моль, М.Мамардашвили. Ее назначение и цель – способствовать возвышению, духовному и нравственному росту человека, а не быть лишь феноменом визуальной сиюминутной технической коммуникации, занятой и развлекательной, но в большинстве случаев – пустяшной, ориентированной на невзыскательный вкус.

Эти вопросы так или иначе были освещены в рамках “Круглого стола”, проведенного в 2000 г. в связи с 50-летием Центральной студии телевидения в Центральном Доме журналиста. Это второе событие, совмещенное на этот раз с круглой датой, как-то подтолкнуло, но все же не активизировало по-настоящему исследовательскую мысль в направлении системного и комплексного изучения современного телевизионного творчества, его идеологических, эстетических, духовно-нравственных и организационных сторон.

По сути, сложилась такая ситуация, когда практики и теоретики нового российского телевидения стремятся показать пышную разветвленную крону, но всячески спрятать корни, обрубить их. Да, действительно, свободный разговор в прямом эфире, дискуссия по актуальной проблеме – достижение бесцензурного ТВ. Но вместе с тем эпоха рыночников и “младореформаторов” эфира показала, что выборочная цензура возникала там, где ее меньше всего ожидали. Ее нельзя было не заметить у гневного обличителя тех или иных ветвей власти, у обаятельной ведущей, склонной к морализаторству в информационных и к злой иронии в полемических передачах, у занимавшего первые строчки политических рейтингов телевизионного тяжеловеса и враз растерявшего их, когда иссякли финансовые источники, питавшие его демократическую демагогию. Лишь время показывало, “кто есть кто” и “кто кого”, “кто за кем” и “кто почему”. Разгул демагогии под флагом защиты последнего “бастиона” свободы – канала НТВ – достиг своей кульминации в дни апрельского митингования 2002 г. у стен Останкинского телецентра.

Но историки и практики ТВ знают, что были на Центральном ТВ и свободные разговоры, и дискуссии в прямом эфире (хотя была и цензура). Ее отмена считается достижением демократических преобразований, и это

справедливо. Но вместе с тем демократические и рыночные преобразования привели к такой либерализации нравов, поступков, поведения личности на экране (часто этих виртуальных субъектов и личностями назвать нельзя), что воспрепятствовать этому может лишь полное выключение телевизора. Но как же тогда быть с осуществлением законного права зрителя на свободу слова? Того слова, которое он хочет услышать, которое хочет сказать? На свободу выбора информационного, публицистического или художественного сюжета? Документального или художественного фильма?

Все это говорит о том, что телевидение как культурная коммуникация выхолащивает свое ядро – новизну одухотворенного слова, одухотворенного образа. Новизну творческого высказывания, влекущего за собой новый акт творчества – личностного восприятия нравственного поступка, акт сомыслия, умножения и приумножения смыслов. Телевидение как многоролевая социальная коммуникация все чаще и чаще сводит на наш взгляд свои функции к одной – гедонистической, компенсаторской, эксплуатирующей преимущественно биологические инстинкты и потребности массового человека (сексуальные, гедонистические, агрессивные). На это же ориентирована и многоликая и всеядная телевизионная реклама.

Одним словом, как и любое другое явление в жизни российского общества телевидение – это важнейшее из средств массовой коммуникации – следует рассматривать в историческом и социально-культурном контексте этой жизни: как возникло, как развивалось, чем стало.

Данные положения можно было бы применить к анализу различных видов телевизионного эфира – информационного, развлекательного, художественного, к анализу различных телевизионных продуктов и жанров – информационных программ, телерепортажей и интервью, телеигр и

викторин, разговорных передач с участием аудитории в студии (ныне этот жанр в основном выступает как ток-шоу).

Однако сосредоточим внимание на воспитательных аспектах разговорной телевизионной коммуникации (интервью, ток-шоу, дискуссии, телеигры), на примерах несомненной преемственности некоторых программ советского и нынешнего российского телевидения, прямого и непрямого заимствования ряда приемов – с одной стороны, и отрицания их – с другой. Здесь важно подчеркнуть, что развитие и углубление традиций советского телевидения могло бы привести к гораздо более высоким достижениям, чем те, которые нынешнее телевидение ставит себе в заслугу, закупая все новые и новые зарубежные проекты.

3. Телевизионная коммуникация: идеалы и реалии, традиции и современность

Со времени своего прихода к массовому зрителю в 50-х гг. прошлого века телевидение активно вовлекало, вписывало в свою орбиту самые различные явления действительности. Вместе с тем оно пыталось исследовать их, отобрать и запечатлеть в своих произведениях самое ценное и передовое, что попадало в объектив теле- и кинокамер.

С широким развитием средств видеоманитонной записи в 70-х гг., привлечением к созданию передач ведущих публицистов, режиссеров, операторов, совершенствованием телевизионных форм, стало возможным говорить о подлинно телевизионных произведениях, которые можно было многократно повторять в эфире, предоставляя возможность все новым кругам зрителей приобщиться к художественно-публицистическим ценностям, созданным непосредственно на телевидении с присущей ему стилистикой.

Ими стали так называемые “массовые” передачи – программы в форме конкурсов, викторин, телевизионных переключек, вечеров трудовой славы, встреч с интересными людьми “у огонька”. Эти передачи обогатили традиционные документально-художественные жанры - кино- и телеочерк, репортаж, документальный телефильм. Ведь их создатели ставили своей целью более полное раскрытие личности, характера человека, не описательно, а в живых его проявлениях и поступках, с помощью специфических для ТВ выразительных средств.

В начале 70-х гг. раз в квартал стали выходить передачи из цикла “От всей души”, которые готовила молодежная редакция. На том этапе развития ТВ они сконцентрировали в себе многое из приемов, творческих находок не только из арсенала самого телевидения, но и других видов искусства и литературы. Передача разбивала, говоря словами С.Эйзенштейна из его “Автобиографических записок”, “невозмутимую, раз установленную бытовую соотносительность элементов явлений... во имя идей и чувств, стремящихся говорить, петь, кричать посредством этих элементов”. Весь пафос передачи, весь ее интонационный и образный строй был направлен на постижение личности современника. Она раскрывалась свободно, в естественной атмосфере общения товарищей и соратников по труду. Характер человека показывался на экране в многообразных жизненных связях, в увиденных с позиций данного дня исторических соотношениях.

Опыт создания передач показывает, что публицисты и художники телевидения одерживали и одерживают творческие победы тогда, когда выносят на экран процесс исследования реальности в ее подлинно гуманистических, направленных на возвышение личности, проявлениях. При этом участниками этого процесса являются сами зрители, и он, проходя последовательно различные авторские фазы творчества, достигает

в результате высот художественного обобщения. Соучаствуя в действии, которое происходит на экране, люди, говоря словами А.М.Горького, “обязаны и принуждены ... взглянуть в свой внутренний мир, задуматься – еще раз – о цели и смысле бытия”.¹

Как протекало это действие в передачах “От всей души”?

На экране – общий план зала, в котором собрались в очередной раз участники – представители одного рабочего коллектива – завода, фабрики, строительного треста, шахты, порта. Они у себя дома, так как передачи шли обычно из местного Дворца культуры.

Разумеется, надо отдавать себе отчет, что и сплоченные коллективы, и Дворцы культуры сейчас трудно найти, массовые передачи идут все больше из кафе, ресторанов, дискотек, с городских площадей – “новорусского” пространства культуры, и собираются вместе сугубо отдельные яркие (и часто иные) индивидуальности. Тем не менее, если мы говорим о необходимости развития отечественных традиций общения, то прошлый опыт должен помочь определиться и в современной ситуации. Ведь собираются ныне артисты – в Доме актера, деловые люди – в деловых, молодежь и студенты – молодежных клубах. Часто создается впечатление, что телевидение намеренно выдергивает человека из привычной ему обстановки, прививает несвойственные русскому менталитету эгоцентризм и индивидуализм. В угоду постмодернистскому принципу отстраненности нарушаются отечественные традиции соборности личности. Отсюда – усиливающаяся разъединенность, маргинальность российского общества, отсутствие со-словности, “со-словесия” по В.Далю, то есть групп и слоев, связанных общим словом. А слово стоит в начале всех деяний.

¹Литературное наследство, т.70. М., 1963, с.135.

В “Толковом словаре русского языка” под редакцией С.И.Ожегова дается такой пример к слову “сословие”: “Великая Октябрьская социалистическая революция упразднила все сословия”. Ранее это трактовалось как одно из достижений советской России. Сейчас новая Россия никак не может опереться на свои сословия, потому что их в стране нет, и никакой работы, в том числе в СМИ, по их реанимации не проводится.

Передачи, подобные циклу “От всей души” с помощью общего слова осуществляли подобное далевское со-словесие, духовное трудовое со-словие. Начинались они театрализованным или кинопрологом, раскрывающим суть того или иного общего дела. Рассказ постоянной ведущей – В.М.Леонтьевой – воскрешал страницы истории того или иного коллектива, выделял лучших его людей. Этот рассказ можно охарактеризовать как публицистический жанр “слово”, истоки которого, как отмечал академик Д.С.Лихачев, видятся в древнерусской литературе. “Будучи жанром ораторской прозы, публицистики, оно обязательно “изустно” предлагалось, требовало какой-то трибуны для произнесения, но ... “слово” не было плодом минутного вдохновения оратора, а являлось письменным литературным произведением, создавалось заранее”.¹

Надо сказать, что слабое место программы “Дежурный по стране”, о которой говорилось выше, как раз в том, что она эклектична по своей структуре. Наиболее выразительным и убедительным был заранее подготовленный и страстно произнесенный Л.Жванецким монолог на тему существующей разрухи в стране. Но он потерялся в импровизационных, иногда путанных текстах-ответах на вопросы, а также в юморесках, обычных для писателя. Как говорят в народе, – ни два, ни полтора .

¹ Цит. по: Проблемы жанров в журналистике. Л., 1968, с.64.

Выступи он с этим монологом в Госдуме, глядишь, приняли бы какой-нибудь законопроект. А так, взятое все вместе, похоже на концерты советских времен, когда сатирические миниатюры А.Райкина воспринимались делегатами очередного съезда партии как необходимый десерт к нудным и шаблонным его заседаниям. Дежурить по стране – это значит как-то устранять, или хотя бы делать попытки к устранению ее бед, а не сводить все зачастую к гневно-шутовскому их перечислению (шутовской колпак не принесет биографических невзгод, но несомненно принесет дивиденды популярности). Смешение жанров приводит и к смысловой путанице, размыву ориентаций зрителя. Действительно, от великого до смешного – один шаг.

Валентина Леонтьева пусть не раз в месяц, а раз в квартал, но действительно была дежурной по стране. Дежурной в плане отслеживания всего лучшего в характере и поступках народа, дежурной – и доброй учительницей одновременно.

“Слово” телевизионных документалистов, как правило, не обходится без драматургической организации материала. Это было свойственно и далеким уже передачам “От всей души”, и недавним – из циклов “Старая квартира”, “Сделай шаг”, и нынешним – “Я сама”, “Жди меня” и ряду других. Те или иные ситуации были определены заранее и в сценариях передач “От всей души”, в них были намечены драматургические коллизии и ходы, завязки и развязки. Среди участников этих документальных представлений были и те, кто по ходу развития сюжета “высвечивался” творческой волей авторов, укрупнялся, становился героем очередной новеллы, лирического или драматического очерка. Исследование той Среды, той атмосферы, в которой происходили становление, утверждение личности, духовный рост человека, исследование, происходившее, казалось бы, на глазах, было подготовлено упорным поиском в архивах, в

живых беседах с людьми, в самой гуще событий. В зале эти события воссоздавались совместно с их непосредственными участниками. Все это затем будет применено и в передачах цикла “Старая квартира”. Ряд авторов и организаторов прежнего цикла продолжал это документально-художественное, глубоко нравственное творчество и в новых условиях создания коммерческого телевизионного продукта.

“Кажется, что бы делать искусству там, где писатель связан историческими фактами и должен только о том стараться, чтобы воспроизвести эти факты как можно верней? – писал В.Г.Белинский в статье “Взгляд на русскую литературу 1847 г.” – Но в том то и дело, что верное воспроизведение фактов невозможно при помощи одной эрудиции”

Эту же мысль развивал в годы становления телеискусства В.Саппак, говоря о том, что реальное “движение жизни” – это лишь “первоначальная элементарная правда и непосредственность, *без которой искусство не может существовать*, но которая сама искусством не является”.¹ Художественность передач “От всей души”, как и впоследствии, через 20 лет, передач “Старая квартира” (РТР), “Сделай шаг” (ТВ-6), “Жди меня” (ОРТ) скрывалась в отборе жизненного материала, в сопряжении, казалось бы, далеких фактов, в состыковке различных исторических пластов через судьбы людей. Художественность была в самих неприхотливых рассказах, продолжавших, дополнявших рассказ ведущих, в реакции участников на развязку того или иного эпизода. Реакция эта наблюдалась в ситуации, инсценированной авторами, в которой участники передачи вовлекались в само драматургическое действие и были поглощены процессом исследования и узнавания. Они при этом не замечали того, чего добивались создатели циклов, того, о чем на заре советского

¹ Саппак В. Телевидение и мы. М., 1963, с.44-45.

документального кино писал Д.Вертов – “стремления прочесть на лицах обнаженные “киноглазом” мысли”.²

Итак, жанр передач, приоритет которых целиком за русской культурой, передач глубоко нравственных и патриотичных, телециклов, не расколотых политическими реалиями последних десятилетий, а как бы продолжающих друг друга, жанр этот – “слово” рассказчика-публициста, включающее в себя ряд очерков и новелл, последнюю точку в которых их герои ставят сами. Ставят своим рассказом, душевными встречами, особой реакцией сопричастности к историческим событиям и фактам, реакцией на происходящее в студии и эфире. Зрители и сами вовлекаются в студийное действие, многие перипетии которого вырастают до незабываемых художественных образов.

В процессе и после “перекройки” телевидения на новых коммерческих началах большую часть российского эфира, как известно, заняли передачи развлекательные, без особых нравственных устоев, или, наоборот, с устоями западного прагматизма, индивидуализма и откровенной наживы. Преобладающими жанрами подобных передач стали телеигра и телешоу, где вдумчивое слово отступило на задний план или же, все более утрачивая свою мобилизующую нравственную силу, стало обслуживать рулеточные пассажи очередного телекрутые, выполнять дежурные функции связующего дешевого конференса. Преемственную линию публицистичности, нравственных поисков на экране постепенно прекратила проводить даже программа “Взгляд”, признанный перестроечный лидер в области освещения больных для общества тем, использования при этом богатого арсенала не только сугубо

² Вертов Д. Статьи, дневники, замыслы. М., 1966, с.135.

изобразительных средств, но и выразительных ресурсов устного слова. Кстати, последние очень профессионально продолжал применять в телекоммуникации приглашенный для ведения ряда сюжетов ведущий советский диктор И.Л.Кириллов. В эфир на московском канале вышло также несколько передач, наследующих на новом, коммерческом, витке развития телевидения некоторые традиции “Голубого огонька”. Речь идет о передаче «На московский огонек», которую вела А.Меркулова. Но среди участников передач преобладали уже герои нового времени, скрытые, и не очень, спонсоры, открыто произносящие длинные панегирики как в честь этого времени, так и в честь ведущей, пригласившей их на передачу.

И что же сохранилось к началу нового века “в сухом остатке”? Сохранилось, как уже отмечалось, несколько передач с камерным, но в то же время выходящим на широкие гражданственные проблемы разговором обыкновенных, в общем то неярких внешне и незаметных людей. Людей, составляющих духовно-нравственное сословие российского общества, берегущих и наследующих его лучшие традиции, отзывчивых на чужую боль и беду, сохранивших веру в силу Слова и в благотворность доброго поступка, доброго Дела. Контрапунктом такого телевизионного общения является Слово ведущих программ, намечающее нравственное и эстетическое русло речи своих собеседников, плавное и неспешное, не в пример бойкой, изломанной и скомканной речи современных ток-шоуменов и диск-жокеев.

Замысел цикла “Старая квартира: 1947-1999 гг.” раскрывает его автор, писатель и драматург Виктор Славкин. “Поскольку люди и при царях и при генералиссимусах жили, стирали белье, ходили в гости, мы вспоминаем не Сталина, мы вспоминаем себя.... “Старая квартира” была задумана как воспроизведение эмоций второй половины XX века, для которой характерны рождение и крушение иллюзий. По существу XX век и

есть старая квартира. Мы прощаемся с ней и надеемся, что в XXI веке у нас будет новая квартира. Хотя и это может оказаться иллюзией”.¹ А известный телекритик И.Петровская пишет, что передача сделана по канонам “того самого, почти забытого, доброго и внимательного телевидения, где главное – атмосфера общения, человеческие истории, внимательное проникновение во внутренний мир героя, тщательно подобранные приметы времени.”² Критик замечает также, что кадры официальной хроники, выдержки из газет создавали в программе необходимый эффект иронического отстранения, который удерживал зрителя от чрезмерной ностальгии и безоговорочного приукрашивания прошлого. И.Петровская, кстати, в другой статье тоже вспоминает передачу “От всей души”, когда говорит о знаменитой ныне “Большой стирке”. Последняя проводит ее принципы с точностью до “наоборот”.

Подробный разбор передач не входит в задачи данной работы. Важно подчеркнуть преемственность традиций советского и российского телевидения в деле воплощения самой сути русской культуры, характера русского человека, их духовности, ненавязчивости, а порой и необъяснимой самоотверженности.

Именно эти качества отличали и передачу “Сделай шаг” (ведущий М.Кожухов, канал ТВ-6 до его передела), которая готовилась уже не в жанре “Слова” – индивидуального или коллективного, а позаимствовала у западного и американского телевидения жанр так называемого “ток-шоу”, разговорный жанр с постановочными зрелищными элементами и эффектами. Однако заимствованная форма никак не повлияла на высокую содержательную наполненность программ. Они были посвящены неординарным поступкам россиян, порой совсем, казалось бы,

¹Токарь Л., Славкин В. Возвращение в “Старую квартиру”.// Вестник ЕАР. М., 1999, №1.

²Петровская И.Е. Сто одна неделя с Ириной Петровской. М., 1998.

незаметным, порой – героическим, но в любом случае – проявляющим и их отзывчивость, и их самоотверженность, их красоту духа. Тем самым, передача как бы наследовала и традиции цикла очерков, которые готовил журналист Г.Бочаров для Литературной газеты” в 70-е годы. А так как зритель постсоветской России отвык от образов положительных героев на кино- и телеэкране (один из “последних героев” – Данила Багров из фильмов “Брат” и “Брат-2”, решающий все проблемы с помощью пули), то и присутствующие в студии участники передач, и широкая зрительская аудитория тепло реагировали и принимали своих современников, столкнувшихся в жизни с нелегким выбором и часто делавших возможно невыгодный лично для них шаг.

Передача, по сути, торпедировала те принципы, которые все более и более пропагандировались на российском ТВ – принципы вседозволенности, а не скромности и воздержанности, индивидуализма, а не духа товарищества и взаимопомощи, личной выгоды, а не стремления к достижению общественной пользы. Названия этих передач говорили и говорят сами за себя: “О счастличик!”, “Кто хочет стать миллионером”, “Золотая лихорадка”, “Алчность”, «Большой куш», «Слабое звено» и т.д. А ведь их вели и ведут известные журналисты и артисты - Д.Дибров, Л.Ярмольник, В.Пельш и ряд других. Знакомая многим спортивная журналистка М.Киселева в стилистически жесткой и грубой передаче «Слабое звено» настолько подавляет участников передачи, заставляя их буквально выгрызать и выбивать себе приз за счет других, что получила у зрителей кличку «надзиратель».

Но вернемся к программе «Сделай шаг». Однажды ее ведущий сам сделал этот шаг, однако глубоко неверный, не в духе передачи. Речь идет о передаче, в эфире которой он предложил 100 долларов той участнице, которая согласится обрезать волосы. Ему удалось спровоцировать на это

одну девушку, видимо, не дорожившую традициями русской народной культуры. Поэтому она не поддержала нравственно чистые принципы героини программы, в свое время не согласившуюся за большие деньги продать бизнесмену свою роскошную косу...

К чести ведущего, в эфире следующей передачи цикла он принес зрителям и этой юной участнице свои извинения.

Французский социолог Г.Тард еще в начале XX в. писал о том выборе, который постоянно делает индивид, личность между необходимостью индивидуализации поступка, а значит собственным нравственным и культурным творчеством, и присоединением к господствующему мнению общественных групп. Маленький мир индивидуальных ценностей, по мнению М.Бахтина, по своему велик, когда через частное сознание восходит к ценностям бесконечного мира познания.¹ В сложной ситуации нравственного выбора, нравственного поступка оказались организаторы и участники “пивного” рок-фестиваля в Тушино после совершенных у входа терактов. И если продолжение фестиваля ради пресечения паники и предотвращения больших жертв можно оправдать, то выбор репертуара некоторыми участниками и показ этой пивной пиар-акции по 1-му каналу ТВ – нравственный беспредел. Также безнравственно показывать “вечно веселого”, как пишет “ЛГ” (9 – 15 июня 2003 г.) министра по труду и социальным вопросам, который демонстрирует по ТВ свою дорогую коллекцию вин.

Разумеется, нельзя абсолютизировать телевизионную коммуникацию как культуру лишь в том понимании, что первая является второй лишь при наличии поиска и разработки глубоких смыслов и вечных истин. В любой коммуникации, в любом тексте есть высокие жанры и низкие жанры. Ю.Лотман дает им классификацию в работе “Внутри мыслящих миров”,

¹ Пешков И.В., М.М.Бахтин: от «к философии поступка» к «Риторике поступка». М., 1996, с.120.

объединяя по принципу смежности: сакральные / профанические; официально-государственные / индивидуально-бытовые; научные / художественные. Но в *ценностной* перспективе, как отмечалось выше, он выделяет ряды совершенно иного состава. Еще раз подчеркнем эту мысль. “Каждая культура неизбежно включает дихотомию текстов высокой и низкой ценности. Крайним проявлением ее будет противопоставление того, что спасает, тому, что губит”.¹ Да, многие тексты рок-фестиваля несли спасение в тот трагический день. Но многие несли духовную гибель.

Классические литературные тексты всегда сводили мир эксцессов и аномалий, который окружал человека, к норме и устройству. И хотя фиксация однократных и случайных событий, преступлений и бедствий, то есть нарушений некоторого исконного порядка, всегда является зерном сюжета, гармонию макрокосма окружающей Вселенной, макрокосма истины, добра и красоты, всегда поддерживал в этих текстах микрокосм внутреннего мира человека.

Телевизионные передачи советского и постсоветского периода нашей истории, о которых здесь идет речь, поддерживают традицию русской литературы. Они не могут пройти мимо фактов и явлений меняющейся действительности, отражение которых, может быть, не делает чести их авторам и участникам. Но важна конечная цель телевизионной коммуникации – показ образцов нравственного поведения, активного участного сознания, красоты духа россиян и в этих условиях. Степень акцентирования бытовых частных, эпатазирующих зрителя жизненных эпизодов, очень личностных деталей человеческого поведения – всего того, что не могло быть отражено на экране советского телевидения – может

¹ Лотман Ю. Семиосфера. С-Пб, 2000, с.219.

быть разной, но тем передачи этого нравственного вектора развития ТВ и отличаются, что отражение сенсации, скандала, иногда просто абсурда жизни никогда в них не становится самоцелью, средством привлечения нездорового, чисто биологического интереса к тем или иным текстам и картинам. А так происходит во многих других программах современного коммерческого, буржуазного телевидения. Даже такая программа, как «Жди меня» (ОРТ, ведущие И.Кваша, М.Шукшина), которая могла бы многое показать и о многом рассказать из жизни России, российской глубинки, учитывая злободневную для современной России тему передачи (обнищание и бесправность во многих регионах, бездушие и безразличие к судьбам людей власть и деньги имущих, бесследное исчезновение людей не только в горячих точках, но и в мирных городах и селах), сохраняет в целом в рамках программы гуманистический, жизнеутверждающий смысл. Это осуществляется обращением творческих сотрудников передачи к неизбывным русским традициям сочувствия и взаимопомощи, сердечной поддержки и взаимовыручки в бедах и невзгодах. «Всем миром выручим» – такой рекламный слоган, если говорить на лексике современных телевизионщиков, можно было бы разместить на просцениуме в телевизионной студии, где проходит действие. Это действие не замкнуто в ее стенах, ведущие обращаются и к другим городам и весям нашей Родины, Мир (через i) собравшихся в студии расширяется, к поискам пропавших, или потерявших друг с другом связь людей подключаются далекие, но близкие по духу соотечественники. Более того, оказывается отечество и традиции у России одни и те же, что и у Беларуси, Украины. Историческая общность судеб их народов, радостных и трагических их страниц отчетливо была прослежена, например, в передаче «Жди меня», прошедшей в эфир 7 октября 2002 г., в новелле о Василии из Ростовской области, потерявшем в детские годы мать (уроженку Ровенской области),

которая была репрессирована и сослана в казахстанский лагерь, а затем работала в Караганде и Тайшете. С помощью передачи Василий (Василек, как назвала его мать в прямом эфирном включении), нашел и мать, и брата и сестру, которые приехали на передачу и встретились через 50 лет.

Такие передачи, как пользующиеся большим успехом у зрителей передачи из цикла «Я сама», бывают и действительно народными и демократичными, и откровенно буржуазными. То есть их авторы стремятся продолжать традиции отечественного телевидения, без чего, как они понимают, рейтинг их выпусков будет недолог и нестабилен. Именно в этом ключе была выстроена передача «Шаг навстречу». Ее героиня, как и Василий в детстве была отдана на воспитание к дальним родственникам. Нина выросла, получила образование, вышла замуж, родила сына и... искала мать. История Нины, личность этой женщины, трогательная и целеустремленная одновременно, так подействовала на авторов цикла «Я сама», что они предприняли не свойственный в целом для программы сценарный ход – поехали в деревню, где, как узнали, жила мать Нины, вместе с нею самой и сняли на видеопленку их встречу.

Ведущий программы «Жди меня» И.Кваша говорит в своих передачах, что жизнь часто выписывает такие драматические и лирические сюжеты, которые нельзя придумать и художественно отобразить, которые волнуют зрителей именно своей непридуманностью, неизбывным оптимизмом, высокой духовностью гораздо сильнее, чем некоторые псевдохудожественные произведения. Именно такая драматическая, очищающая и просветляющая душу зрителя история стала темой одной из передач цикла «Я сама».

К сожалению, многие другие передачи ток-шоу «Я сама» лишь представляют заявку на серьезный диалог о серьезных нравственных проблемах общества. Но они половинчаты по своей сути, так как не

достигают подлинного демократизма и народности, свойственных русской культуре и литературе в целом. Само Слово русское в передачах часто обесценено, модернизировано в угоду массовой моде на вычурное и эпатажное. Чего стоит например такая фраза бывшей соведущей передачи писательницы Марии Арбатовой, которую она бросила всердцах одной из участниц: «Мне поплохело». В передаче «Я сама» все время видны коммерческие пути сценария, которые сковывают естественное течение передачи, естественное течение русской речи. Даже бойкий мотив музыкальной перебивки задает необязательную, пустяшную тональность разговору, какой бы глубокой и пронзительной не была его тема. И если в начале работы над циклом ведущая Ю.Меньшова была простенькой девушкой, как бы из народа, наивной и мечтательной «простушкой», то позднее она превратилась в уважаемую ведущую, несущую в себе и на себе знаки заволашеванной эфир буржуазности. В стиле ее речевого общения, в структуре ее телевизионного Слова тексты высокой, поистине сакральной, по Ю.Лотману, значимости, в отличие от речи ведущих программы «Жди меня», постоянно перемежаются с более низкими по внутреннему смыслу, профанными текстами.

Пиком дурного вкуса и безнравственности стоит рассматривать весьма вольное понимание свободы слова ведущим одноименной передачи С. Шустером. Девиз ее, как известно – ограничить свободу слова в ней может лишь ведущий и время.

Тема предпраздничной передачи 7 марта 2003 г. была «Дискриминация мужчин». Участвовали Б.Немцов, А.Починок, писатели В.Сорокин и М.Арбатова. Кто-то из них запустил в беседу слово «простатит», далее один из друзей М.Арбатовой вспомнил об онанизме. Писательница воскликнула: «Что за мужчины, – говорят о простатите, об онанизме!». (Общий смех). Далее пошли уже эвфемизмы. Говорили о том,

«чем мужчины занимаются в одиночестве». Все развеселились, когда выступил В.Сорокин: «Мужчин нет, есть мужики. Всех мужчин сгубила Советская власть, некому принимать решения».

Веселье на первых рядах продолжалось, когда помреж поднесла микрофон другу М.Арбатовой, который сказал, что неуютно себя чувствует, когда вот так суют микрофон. В.Сорокин тут же бросил реплику: «Хочется укусить». Пошли двусмысленные намеки, верно ли девушка держит микрофон. Смех продолжался. Ведущий не ограничивал свободу высказываний. Время тоже. Можно вспомнить, как в одной из передач 2002 г. он, покраснев от собственной смелости, разрешил зачитать писателю Виктору Ерофееву главы из его романа «Русская красавица», предупредив, что могут «вырубить» эфир. Эфир почему-то не вырубили.

Передача «Культурная революция» в этот же день накануне праздника 8 марта была посвящена теме «Секс – двигатель культуры». Вот только два высказывания из нее. М.Рудинштейн: «секс – мускулатура мужчины, нормальная реакция организма (не путать с эрекцией)». Маша Распутина: «Все восточные учения – это секс. На храмах – фаллосы». А зритель, видимо, думал в это время: мы то живем в России...

Из всех аргументов в защиту этих позиций ведущий М.Швыдкой выбрал один: «У православных – масса канонов (пост, выходные дни), но дети продолжают рождаться!»

Здесь ведущий хотя бы не делал двусмысленных намеков. В другой передаче этого же эпатажного цикла, которая называлась «Без вранья мир рухнет», приверженец данной идеи, адвокат Борщевский, аргументируя свою правоту, приводит пример: «Министр культуры просит в правительстве финансы. Ему дают икс...». Ведущий с намеком спрашивает: «Икс – это как пишется, как в русской транскрипции?». Адвокат: «Именно так. Поэтому потом он просит два икс». Ведущий:

«Именно это он и получает». (Общий смех). Эти деятели науки и культуры уверены, что российский зритель поймет их тонкие намеки и потайные смыслы высказываний, которым в лучшем случае место в теплой и узкой компании, а не на всем миру.

Уверен в этом и ведущий программы «Намедни» (эфир 22 июня 2003 г.), называя сюжет об отставке губернатора Санкт-Петербурга В.Яковлева и переводе на другую должность «Послали на три буквы». Имеется в виду аббревиатура ЖКХ. Но всем должно быть понятно, что вся суть здесь в последней букве. Такие у нас времена.

В этом же выпуске программы «Намедни» был большой репортаж А.Пивоварова о новом стиле жизни молодых служащих, которые ищут удовольствий после скуки офиса. В их поисках они проводят время в ночных клубах, саунах, тантристских центрах. Владелица самого «крутого» из них Юлия Варра стала пропагандировать тантру на всю страну: «Наши древние предки трахались, и мы будем...». Телевидение питает к этой фигуре большой интерес. Месяцем ранее в другой передаче – «Принцип домино» – она с не меньшим пылом отстаивала свои взгляды вплоть до признания о начале своей половой жизни с 9 лет.

Возникает вопрос, чем являются все эти тексты, бесстыдно выдаваемые на массовую аудиторию нашими «мастерами культуры»? Стремлением подделаться под бытующее массовое сознание? Данью постмодернистской моде, рейтингу? Или просто упущениями и даже провалами профессиональной журналистской этики и культуры?

Будущим исследователям современного телеэфира и его разговорных жанров предстоит ответить на эти и другие вопросы, касающиеся смешения различных речевых пластов, дробной, «карусельной», «клиповой» структуры телеизображения. Однако, как представляется, традиция лучших разговорных телепередач советского телевидения с их

высокими гуманистическими и нравственно-духовными принципами, свойственными русской культуре и литературе в целом, будет наследоваться все новыми и новыми мастерами телевизионной коммуникации, телевизионной культуры.

4. Истинное и неистинное как нравственные отношения.

К вопросу об “особости” политической коммуникации

Понять факт, событие и в целом – весь предмет дальнейшего обсуждения, всю информацию, приходящую по каналу коммуникации, как правду отношений человека и мира, человека и человека – это означает подготовить условия к обретению извне этого предмета, к его из – обретению для себя, к пониманию своей “должной установки” и степени собственной “ответственной участности”. “Только изнутри моей участности может быть понято бытие как событие”¹, – писал М.М.Бахтин.

Любое личностное изобретение побуждает личность не держать его втуне, а использовать самому – в практической и творческой деятельности, в социальных отношениях, в поступках для себя и для другого.

Информация (словесная речь, визуальные сообщения) становится не однолинейной, не тупиковой, а приобретает сложный многовекторный рисунок. Часть его выходит в пространство внешнего диалога, а часть остается в пределах сознания, духовного мира отдельного человека, его внутренних речений, распрей, прятий и неприятий.

Телевидение, являющееся ныне наиболее эффективным, вовлекающим в себя как в некую реальность средством массовой коммуникации, пользуясь самыми современными технологиями

¹См.: Пешков И.В., указ. соч., с. 65.

аудивизуальной коммуникации, часто искажает отмеченную выше “правду взаимоотношений”.

Дж. Б. Пристли еще полвека назад, когда ТВ только становилось на ноги, уже писал о черной магии, заключенной в телевидении как таковом. И даже сами телеработники, – считал он, – не осознают еще всей бездны этой магии. “Как никакое другое средство информации, телевидение час за часом, вечер за вечером, наполняет наши квартиры такими броскими и соблазнительными образами, что своим воздействием на рассудок и воображение превосходят все остальные виды развлечений. Любого телезрителя оно способно превратить в знающего и вдумчивого специалиста, человека с самым широким кругозором. Сидящие у экрана дети со временем могут стать профессорами Оксфорда и Кембриджа или же бандитами и шлюхами”.

Далее Дж. Пристли замечает, что самая главная опасность ТВ, однако, заключается не в этих очевидных контрастах. Тех, кто их боится “можно сравнить с человеком, который ждет нападения волка и не замечает, что по руке ползет ядовитый жук”. Опасность состоит в том, что телевидение не только не приближает к зрителю реальный мир, но еще более его отдаляет. “Чем дольше я лениво смотрю на экран и слушаю голос диктора, тем сильнее ощущение, что я попал на какое-то потустороннее астральное тело... Стоит только телевидению обратиться к какой-нибудь спорной, животрепещущей теме, как она сразу же становится отвлеченной. Уже сам по себе телевизионный аппарат, которым управляет, быть может, какой-то дьявольский ум, враждебный человеческому роду, создает фатальный потусторонний эффект. Ведь даже те проблемы, которые раньше казались жгучими и насущными, вообще перестают быть проблемами. На телеэкране они не только не решаются, но обходятся стороной”.

Вывод знаменитого журналиста и драматурга: “Призрачный взгляд, пусть и тщательно рассчитанный, сфокусированный - на призрачный мир”.¹

Русский мыслитель М.М.Бахтин дает, пожалуй, объяснение этой магии ТВ, этой дьявольщины. Он объясняет подобную степень воздействия на зрителя тем, что коммуникаторы используют эффект “эстетического вживания” в субъект коммуникативного воздействия. Эстетическое вживание в данном случае является, как он полагает, не чистым, не теряющим себя в субъекте, а объективирующим вживанием. Оно не может дать знания единственного бытия в его событийности. Это вживание дает лишь эстетическое видение внеположного субъекту бытия. Бытие не воссоединяется с субъектом, он сам внеположен своей активности. Такое эстетическое видение провоцирует его пассивность, неизобретательность, усредненность.¹ Говоря на языке современного городского жаргона – расцветает “апофигизм”, состояние профанации.

Как писал П.А.Флоренский, – “большинство ищет пассивной спасенности, приобретения даров духовной жизни без самой жизни”.² В другой своей статье – “О типах возрастания” он пишет о том, что исследователи упорно не замечают кричащих р а з л и ч и й (разрядка П.Ф.) между личностями, сливая всех в серый комок, в “сплоченную посредственность” (conglomerated mediocrity), в “паюсную икру, сжатую из мириад мещанской мелкоты”³. Но в массе всегда есть личности, освещенные светом. Святость и свет – слова одного корня. Коммуникация должна проникать к этому свету, распространять этот свет.

¹ Пристли Дж.Б. У телевизора. // Заметки на полях. Художественная публицистика. М., 1988, с. 301-303.

¹ См.: Пешков И.В., указ. соч., с. 65.

² Флоренский П.А. Соч., т.2, с. 609.

³ Здесь П.Флоренский цитирует Дж. Ст. Милля и Д.Мережковского.

Рассуждая о догматизме и догматике в церковном культе П.А.Флоренский также касается вопросов переживания в области эстетической, где, как он пишет, так много значения имеет внешнее.

“Понятие, не имеющее цены само по себе, приобретает условную ценность чрез свою связь со схематизируемыми им переживаниями, равно как неустойчивое переживание расчленяется, формуется, фиксируется и делается устойчивым чрез понятие, его схематизирующее... Переживания оказываются приведенными к одному знаменателю, делаются сравнимы между собой”.⁴

Однако он тут же предостерегает от того, чтобы “интимнейшие волнения в необъятной сфере духа”, которые оказываются вне православной веры, могли бы таким путем “разлиться по болотам ложной мистики и пескам бесплодного позитивизма” Чтобы избежать этого, необходим *всечеловеческий* (выд. П.Флоренским) метод наименьшего кратного для всех переживаний во всем их многообразии. Не отцеживать все разнородное, все несходное, а собирать, синтезировать всю полноту духовной жизни народа, насквозь пронизанную личным характером. В случае всечеловеческого метода подобной коммуникации устраняется абсолютизация, как это имеет место в практике современных российских СМИ, показа человека “бессодержательного, носящего минимум духовной жизни. Внимание концентрируется на Носителе максимума духовной жизни. Это – Сын Человеческий, Носитель идеальной человечности...

⁴ Флоренский П.А. Соч., т.1, с.556.

Переживания Иисуса из Назарета есть мост, по которому догматика может перейти от земли на небо, от психологии – к метафизике... Не к тому, что лишает человека образа человеческого, но что делает его истинным человеком”.¹

Вот так, через П.А. Флоренского мы вернулись к современной ТВ-коммуникации – “к призрачному взгляду, сфокусированному на призрачном мире”, когда эстетическое вживание в участников события не есть еще постижение этого события. Тем более, когда и события, происходящие на экране, инициируются большей частью их участниками.

Как пишет М.М.Бахтин, “пусть я насквозь вижу данного человека, знаю и себя, но я должен овладеть правдой нашего взаимоотношения, правдой связующего нас единого и единственного события, в котором мы участники”.¹

В чем должна заключаться эта правда, эта истинность информации, ее незамутненность побочными вливаниями псевдособытийности? Семен Франк высказывает мысль, которая еще недавно считалась крамольной. Человек есть как бы “лирическое” творение Бога, в котором Бог хочет “высказать” самого Себя, Свое существо, тогда как все остальное творение есть выражение отдельных “объективных” замыслов Бога, своего рода – “эпическое” творение. Основной момент разделения этих сущностей заключается в различии между присутствием и отсутствием в творении *личного* (выд. С.Ф.) начала. Последнее предполагает самосознание, автономность, способность контролировать и направлять свои действия, подчиняясь верховному началу Добра или Святости.²

¹ Флоренский П.А. Соч., т.1, с.569.

¹См.: Пешков И.П., с.65.

² Франк С. Реальность и человек. Спб., 1997, с. 390.

Можно предположительно представить себе соотношение так, что природа, мир в качестве «эпического» творения есть в творчестве Бога как бы первоначальный набросок творения, некий подготовительный материал, которым Бог далее должен воплотить свое «лирическое» самоизображение. Оно, в свою очередь, является этюдом, которому еще предстоит путь овладения свободным духом и обретения сродства с человеком. А пока между существом человека как духа и личности, с одной стороны, и наличным состоянием мира – с другой – царит глубокая противоположность.

Увеличению разрыва между «эпосом» мира и его «личностью» способствует катастрофическое накопление знаний, складирование и использование их без должной систематизации и соотнесения с человеческим, духовно-ценностным фактором.

Системные связи в области циркуляции информационных потоков, современные методы оптимизации работы информационных систем и средств МК, новое прочтение самих понятий «информационный менеджмент» и «информационное манипулирование» с учетом необходимости резкого расширения их гуманистических характеристик являются определяющие черты общества XXI века. Информационный менеджмент является ныне важнейшей составляющей массово-коммуникативных процессов, поэтому от ценностных ориентаций его, от объективности и гуманистической содержательности его рекомендаций зависит духовное и физическое здоровье личности, будущее общества, состояние информационной безопасности государства.

Как отмечает Х.Ленк, выявление и освоение важных информаций из среды их формирования, нахождение гибкой связи с потребностями времени (и мы бы добавили – личности) стали теперь вполне возможными, но они вместе с тем требуют планетарной вездесущности (и вновь требуется добавление – доброты и любви к людям) поставщиков информации: будь то отдельные лица или целые учреждения. «Для обеспечения надежной в обращении информацией в либеральном, плюралистическом и демократическом обществе нужны обязательно опережающие меры со стороны политики властей предрержащих, направленные против искажений информации, против систематической дезинформации, а также другие меры, направленные против монополистических стремлений к ограничению знания и связанных с этим попыток ограничения доступа к информации».¹

И хотя право на свободу правдивого слова и свободу получения правдивой информации закреплена в России в ее Конституции, ряде законов о СМИ и регулировании отношений действующих элементов в информационном поле, мы сталкиваемся с явлениями и действиями, которые еще Л.Толстой называл “отрицательной ложью”: “Мало того, чтобы прямо не лгать, надо стараться не лгать отрицательно – умалчивая”². Замалчивание каких то элементов информации лежит в основе полуправды – феномена не столько гносеологического, сколько информационного, возникающего в сфере социальных коммуникаций. В одноименной статье В.И.Свинцова «Полуправда»³ анализируется книга польского автора М.Мазура “Качественная теория информации”, в которой предложена интересная

¹Ленк Х. Становление системотехнологического суперинформационного общества.// Общество и книга: от Гутенберга до Интернета, М., 2000, с.31, 36.

² Толстой Л.Н. Собр. соч. в 22-х томах, т.21. М., 1985, с. 106.

³ Свинцов В.И. Полуправда.// Вопросы философии, 1990, №6, с. 54.

классификация дезинформационных процессов. Наряду с обычной (*симуляционной*) дезинформацией, состоящей в передаче ложных сообщений, в книге выделяется также дезинформация путем замалчивания некоторых достоверных данных. Ее М.Мазур называет *диссимуляционной*.

Начало нового века показало, что подобная диссимуляция правды в сообщениях российской печатной и электронной прессы имеет системный характер. Чтобы получить более или менее правдивую информацию о событиях, связанных с чеченской проблемой, надо обязательно обратиться к публикациям ряда газет и телеканалов. В сообщениях СМИ нередко одни данные не стыкуются с другими, замалчиваются невыигрышные для определенных информационных каналов сведения, преувеличиваются рейтинги и количество голосов одних политиков, партий и движений и приуменьшаются соответствующие цифры относительно других, активно показываются на экране одни фигуры и замалчиваются выступления их оппонентов.

Противоречивой была информация о трагедиях и катастрофах (нападения на российские колонны в Чечне, гибель атомохода «Курск», пожар на Останкинской башне и т.д.). Симуляцию и диссимуляцию правды, информации в целом даже стали связывать с необходимостью соблюдения принципов «Доктрины информационной безопасности», принятие которой вовсе не должно исключать правдивое информирование общества о политических, экономических, военных шагах по его стабилизации.

Если проанализировать события, связанные с трагедией захвата самолета в Турции, с так называемым первым «вотумом недоверия» правительству (в июне 2003 г. случился второй), громко заявленного многими депутатами Госдумы и внезапно мирно завершившемуся после изменения позиции движения «Единство», события вокруг захоронения в

России облученного ядерного топлива, относительно которых Госдума РФ также меняла свои ориентации, вокруг ответственности Украины за авиакатастрофу над Черным морем, то вывод неутешителен. Происходит вновь дезинформация относительно одних шагов и мер (симуляция правды) и замалчивание других явлений и фактов, невыгодных многим политическим и финансовым силам подконтрольным СМИ (диссимуляция).

П.А.Флоренский писал в одной из своих работ, возражая рационалистам, которые полагали, что обозначение покоится на историческом произволе и поэтому оно независимо от сущности обозначаемого. «Но ведь это они раздробили всякую форму на кирпичики; это они расстригли Слово Божие на строчки и слова, язык растолкли в звуки, организм измельчили до молекул, душу разложили в пучок ассоциаций и поток психических состояний... Было бы даже удивительно услышать от этого нигилизма, отвергшего в корне самое понятие *типа* что-либо, кроме отрицания и в отношении типов столь высокого порядка, каковому причастны *имена*».¹

Как видим, политическая коммуникация – важнейшая часть общей культуры человека и общества. Политическая коммуникация не может протекать в условиях отсутствия политической культуры, а политическая культура предполагает наличие высоко развитого нравственного, правового и эстетического сознания. В советский период истории страны политика определялась как высшая – коммунистическая – нравственность. Однако цель, оправдывавшая средства ее достижения, дискредитировала себя именно потому, что средства были часто безнравственны и бесчеловечны, шли вразрез с ценностями общечеловеческой культуры.

¹Флоренский П.А. Имена.// Социологические исследования, 1990, №3, с.139.

Поэтому выдающиеся русские философы делали акцент на правосознательную и нравственную миссию политической коммуникации, например, – И.А.Ильин. В работе «Путь духовного обновления» он писал в 1935 г., что политика означает не партийные притязания, ложь и интриги, но подъем правосознания к постижению патриотических целей и к разрешению подлинно государственных задач. «Каждый из нас, каждое новое поколение должно принять свое государство правосознанием; принять как живое духовное единство – единство культуры, власти и исторической судьбы; принять и вложиться в это единство, взяться за разрешение его конкретных задач – духовных, национальных, хозяйственных и правовых».²

В политике, политической коммуникации, где центральное место занимает человек, нельзя игнорировать человека, забывать его ценностные начала, и прежде всего – принципы добролюбия и справедливости, нормы нравственности. «Политическое действие разворачивается в поле напряжения между властью и моралью».¹

Историческая и современная практика СМИ показывает, что политическая коммуникация всегда балансирует на грани дозволенного в своих отношениях с истиной, с достоверным, правдивым изображением и толкованием действительности, что, разумеется, безнравственно и бесчеловечно. Политическая коммуникация не может игнорировать истину, какой бы горькой и не соответствующей благим намерениям политиков и журналистов она ни была. Нельзя насильственно насадить добро, подчинив право своеобразно трактуемой нравственности и благу

² Ильин И.А. Путь к очевидности. М., 1993, с. 269.

¹ Баллестрем К.Г. Власть и мораль (основная проблема политической этики) // Философские науки, 1991, № 8, с. 84.

человека и народа. Печальный опыт тоталитарных режимов доказывает это. О таких попытках писал, в частности, Н.Бердяев.

Выделение и определение истины в политической коммуникации – задача особенно трудная. Как писал М.Вебер, практический политик может занять некую среднюю позицию, играя роль посредника между конфликтующими сторонами, или принять правоту одной из сторон. Но все эти социальные действия не имеют ничего общего с научной действительностью. Там, где замалчиваются негативные факты жизни, ни срединная, ни крайние позиции – идеалы правых или левых ни на йоту не приближаются к научной истине.

М.Вебер считал самообманом убеждение в том, что можно получить практические нормы, обладающие научной значимостью, через синтезирование различных партийных точек зрения или построение равнодействующей. Такая позиция весьма относительна в маскировке собственных ценностных намерений и представляет собой значительно большую опасность для объективного исследования, чем прежняя наивная вера партий в научную «доказуемость» их догм.¹

5. Символика и мифология политической телевизионной коммуникации

Представители Франкфуртской философской школы Т. Адорно и М. Хоркхаймер опубликовали в 1944 г. в США книгу “Диалектика просвещения”, через восприятие которой сформировалась современная социология средств массовой коммуникации. Выясняя причины провала Марксовой теории социальных революций, они ввели в научный оборот понятие “*индустрия культуры*”. Этот феномен помог господствующему

¹ Вебер М. Избранные произведения. М., 1990, с. 553.

классу ассимилировать рабочий класс путем массового насаждения различными способами и направлениями своей идеологии. Авторы книги обнаружили типологическую общность массы как пассивного и вполне лояльного продукта социально-политического строя “позднего капитализма”².

На сегодня накоплен большой опыт коммуникативного анализа в разных сферах человеческого бытия на этапе западного «позднего капитализма» и российского «раннего», так сказать, «незрелого, неразвитого». Весьма полезным является опыт построения теоретических моделей политической коммуникации. Выделим среди них те, которые могут применяться и в качестве просвещающих, гуманизирующих моделей, и в качестве инструмента для массовизации и отупления общества. Другими словами, использоваться для организации как культурной, так и псевдо- или анитикультурной коммуникации. Таких укрупненных, обобщенных моделей традиционно можно выделить три: *семиотическую, архетипическую и мифологическую*. Именно они дают подробное представление о приемах, методах, элементах, используемых в практике печатной и электронной политической коммуникации. Использование внешне эффектных, рассчитанных на эмоциональное воздействие приемов коммуникации, берет свое начало именно от этих исторически сложившихся, а затем теоретически обоснованных философами XX в. моделей.

Семиотика – это жест, мимика, вербальный или визуальный стиль речи, статичная или динамичная иконографика и знаковость. *Архетипика* – лежащие в подсознании индивида сформировавшиеся историческими или

² См.: Хоркхаймер Макс, Адорно Теодор В. Диалектика просвещения. Философские фрагменты. М.-С-СПб, 1997.

генетическими условиями стереотипы. *Мифология* – исторические, идеологические художественные (псевдохудожественные) мифы.

Эти модели коммуникации как культуры хорошо освоила идеология. Именно в силу авторитета культурной традиции данные модели эффективно влияют на сознание зрителя и читателя. Эту особенность массового сознания уверенно эксплуатируют пресса и телевидение, особенно в период агитационных кампаний.

Сравнение политика с товаром может несколько шокировать, но ведь зрителю предлагается в период таковых кампаний имидж политика, произведенный как товар. Этот имидж в идеале должен быть сродни искусству артиста, когда для зрителя в игровом сюжете не видны ни грим, ни форсированная мимика и жесты, не режет слух нарочитая речь и выпендренные фразы. В современной политической рекламе имидж чаще всего оторван от своей естественной, реальной основы, реальное событие низводится до фарса.

По мнению социологов, российские избиратели уделяют рекламе как таковой “мерцающее внимание”, то есть не включаются полностью в акт коммуникации. Тем не менее, большие финансовые средства, выделяемые избирательными блоками на политическую рекламу, говорят о том, что имиджмейкеры рассматривали ее на президентских выборах 2000 г. как главное направление агитационной работы.

В основном на телеэкране было повторение пройденного в 1995 г. Во-первых, надо отметить однообразие жанров политической телерекламы. Это либо выступление в кадре (“говорящая голова”), которое в разных случаях модифицировано посредством интерьера или небольшого видеоряда, либо документальные или игровые сюжеты с участием политического лидера.

Различия в первом жанре обуславливаются имиджами представленных политиков. Какие же имиджи они себе выбрали? Е.Примаков – это классический *партийный функционер*, сидящий за массивным, наподобие бильярдного, столом, и грозящий пальцем “казнокрадам и коррупционерам”. С.Степашин – “*русский офицер*”, борец за сильную Россию. Усилить идею призваны видеок кадры военного корабля. Другой вариант: борец с преступностью на фоне кадров задержания преступника и текст “о сильной руке и умной голове”.

Имидж лидеров “Единства” тот же – “*борцы*”. У А.Гурова – это борьба с криминалом, борьба как абстрактная сила. Борец, не знавший поражений, – чемпион мира А.Карелин. С.Шойгу – борец со стихией и катастрофами.

В агитационной кампании по выборам президента у Г.Зюганова был рекламный ролик, который вызвал критические отзывы из-за своей двусмысленности. Рекламный слоган произносился на фоне тюремной решетки, которую недруги коммунистов истолковали как готовящийся новый ГУЛАГ.

Сюжетные образцы политической рекламы использовали тему или ремонта нашего жилья (“Единство”, по мотивам сказки “Теремок”), или обустройства нашего дома – России (движение “Наш дом – Россия”). Ладоней, сложенных домиком уже не было. Был вариант – ребенок рисует на асфальте домик, а далее – лозунг: “Сильный лидер (кадр с В.Черномырдиным), сильные регионы, сильное государство”.

В политической коммуникации во время выборных кампаний первое место в арсенале средств воздействия на массы занимает образ, эмоция, устойчивый стереотип, изощренный миф, то есть способы прямого воздействия на психику, на подсознательные свойства человеческой личности. Затем это воздействие распространяется и на уровень сознания.

В телевизионной политической коммуникации еще со времен выборных кампаний в США конца 50-х, начала 60-х гг., а затем теледебатов кандидатов в президенты Франции был четко определен приоритет эмоционально-образного воздействия на электорат. Другими словами, использовались все те же семиотическая, архетипическая и мифическая модели коммуникации.

Эти модели становятся всеобщими во всех звеньях политико-коммуникативного процесса, перенимаются всеми его действующими элементами. По мнению обозревателя “Известий”, авторские предвыборные аналитические программы С.Доренко можно назвать... триллером. Благодаря использованию телеведущим подобных моделей передачи смотрит 17,5% зрителей. Доля аудитории (то есть процент смотревших канал по отношению ко всем зрителям, сидевшим у включенного телевизора в данное время) составляет 40%”¹. И в речевой коммуникации С.Доренко старается оперировать не понятиями, а аллегориями, алогизмами, метафорическими допущениями, подобно древним колдунам и шаманам. Одного политика он называет “новым Гришкой Распутиным”, других “экстрасенсами с окропленной лозой в коридорах Кремля” и т.д.

Нельзя не отметить, что представители движения “Отечество - Вся Россия” отвечали на эти и подобные им информационные атаки, а также “черные” пиаровские ходы не самым лучшим образом. Причина потери в 1999 г. блоком Лужкова-Примакова доверия многих избирателей состояла и в резком контрасте телепоказов в начале предвыборной борьбы и на ее завершающей стадии. Сначала зрители видели эффектно обставленное телевидением вхождение в избирательную кампанию, с широким показом объединительного съезда в Таврическом дворце и заседанием в Колонном

¹ См.: “Известия”, 17 ноября 1999 г.

зале Дома Союзов (знаковые формы державности). В дальнейшем – растерянность, неуверенность, оговорки на экране, несдержанность в общении с журналистами.

Агитация за новое центристское движение также была организована властью с помощью таких выделенных нами разновидностей коммуникации как семиотическая, архетипическая, мифическая. Ставка была сделана в первую очередь на архетип силы, имеющий свои традиции в сознании россиян, менталитете российского общества. Три лидера, три былинных богатыря под эмблемой медведя – таковой стала агитационная листовка межрегионального движения.

Эмблемой движения стало изображение медведя, что также является возвращением современной политики к архетипам культуры. Из истории, литературы, культуры России широко известны богатые историко-психологические ассоциативные связи поведения русского человека с этим жителем бескрайних российских лесов. Медведь – и царь зверей, и хозяин русского леса, и наиболее близкий по характеру к русскому человеку зверь, в силу своего “добродушия” в одних случаях и свирепости – в других. Так что имидж движения был выбран более удачно, чем, скажем слоганы с обесцененным упоминанием в них слова “Россия”, или аббревиатуры, превратившиеся в “Яблоко” и “Овраг”.

Как видим, политическая коммуникация по каналам телевидения на всем протяжении парламентской выборной кампании 1999 г. осуществляла свои функции в пользу различных ее действующих элементов. Но те элементы, которые сопрягали исходящую ценностную информацию с набором кодов и символов, воздействующих живым, непосредственным образом, минуя сознание (через миф, архетип, эмоциональный образ) значительно опережали соперников. Глеб Павловский отмечал в своих

“размышлениях”, что государство – это игра для взрослых, а сами выборы, конечно, всегда театр, что избиратель мифологичен по форме¹.

В целях, видимо, упреждения подобных семиотических и мифологических построений в надвигающихся избирательных кампаниях 2003 и 2004 гг. канал ОРТ очередную передачу рубрики «Основной инстинкт» посвятил 23 апреля 2003 г. проблеме национальной безопасности в связи с «грязными» избирательными технологиями СМИ. В студии присутствовали руководители ведущих телеканалов и телеорганизаций (К.Эрнст, Э.Сагалаев, И.Лесневская, А.Венедиктов, редакторы и менеджеры печатных СМИ (Р.Шакиров), политтехнологи, Председатель ЦИК А.Вешняков, разработчик закона о СМИ М.Федотов. А.Вешнякову пришлось туго на этой передаче, так как демократические журналисты типа А.Венедиктова, призывая к правде, и ни к чему, кроме правды, как бы заранее мостили себе светлый теле- и радиопуть к свободе политического волеизъявления, не стесненной особыми путями и моральными ограничениями. Во всяком случае предложение о подписании совместного кодекса (конвенции) СМИ было напрочь отвергнуто. Стремление к правде, к «устранению вранья» было зафиксировано в итоге в устной декларации ведущей С.Сорокиной.

Электронные средства массовой информации широко пользуются риторическими приемами, выработанными в недрах речевой культуры и коммуникации, перенося их и на видеоряд, и на музыкальное и звуко-шумовое оформление. Наглядные образы больших пространств – площадей, залов заседаний, с соответствующим знаковым оформлением и церемониалом, посвященным тем или иным политическим событиям, – что это, как не новейшая риторическая форма телевизионной политической коммуникации? Как пишет Серж Московичи, стратегии пропаганды

¹ “Новая газета”, 24-30 января 2000 г.

предназначены для превращения индивидов в толпу и вовлечения их в определенную деятельность. Приемы вождей (или партий) всякий раз специфичны, поскольку искомые результаты конкретны и своеобразны. Но они прибегают к трем основным стратегиям: представлению, церемониалу и убеждению. Первая управляет пространством, вторая – временем, третья – словом.

“Для того, чтобы собраться и действовать, толпам необходимо пространство. Места действия – соборы, стадионы – создаются для того, чтобы принимать массы, и, воздействуя на них, получать желаемые эффекты... Иные являются настоящими политическими и историческими театрами. Например, Красная площадь в Москве... Здесь чувствуешь внутреннее волнение, вызванное исключительностью происходящего, и желание быть участником этого представления».

Не случайно многие информационные телевизионные передачи в период выборов Президента России, в периоды поддержки ряда его политических шагов риторически показывают символические кадры Красной площади, кремлевских башен, здания Сената и т.д., создавая образ государственности России в лице ее Президента.

То же делают они, показывая выступления Г.Зюганова или В.Анпилова на фоне памятника Карлу Марксу или В.Ленину на Октябрьской площади, то есть – на культовых местах России.

По словам известного французского политолога Режи Дебре, благодаря электронным СМИ общества переходят от вертикального, централизованного мира к миру разветвленному, сетевому, в котором решающую роль играет собственность на средства производства общественного мнения. Феномен коммуникаций поэтому следует трактовать политически. “Новый феномен последних 20 лет: кто не мелькает на ТВ, тот не имеет социального существования... Телевидение –

самый главный рычаг власти правителей и их главная забота. ТВ создает новое глобальное пространство – время: то, что локально, моментально становится общемировым. Время становится как бы косвенным: важно не то, когда событие произошло, а когда оно было показано и воспринято. Больше не существует самих по себе фактов, а существуют представленные факты: то, что ценится больше всего, – образ, представление”.¹

6. Языковые игры в телевизионной политической коммуникации

Известна мысль французского философа Р.Барта, вынесенная им в заголовок одной из статей, «миф – это слово». Далее он развивал ее, говоря о том, что мифом может являться и вербальный, и невербальный текст. Слово, таким образом, толковалось им расширительно, как высказывание посредством и визуальных знаков. Но в основе коммуникации, тем не менее, лежит слово, в основе же мифа как такового, лежит по Р.Барту деполитизированное слово.¹ Задачей мифа является преобразование исторической интенции в природу, другими словами – переходящего в вечное, – писал он. Философ отождествляет здесь миф с идеологией, прежде всего – с буржуазной, так как миф по самой своей форме оптимально приспособлен к характерному для этой идеологии созданию перевернутых образов. На всех уровнях человеческой коммуникации миф осуществляет превращение «антикризиса» в «псевдофизис».

¹ Цит по: Миронов В. Власть идей и идея власти. Режи Дебре: “Союз между русским обществом и новыми технологиями должен состояться” // “Независимая газета”, 25 апреля 1995 г.

¹ Барт Р. Мифологии. М., 1996, с. 233, 269.

Для нас не столь важно, что Ролан Барт, исходя из исповедуемых им в 50-х годах марксистских идей, видел у левых в их языке и мышлении меньше мифологичности, чем у правых. Он обосновывал это тем, что слово угнетенного не может не быть скудным, роскошь метаязыка ему пока недоступна. Тем не менее он описывает и однолинейные, схематичные мифы левых, например, – миф о Сталине.

Перевернутые образы в вербальной и визуальной коммуникации, мифы письменных, устных и визуальных текстов получили в последнее десятилетие мощный импульс для своего развития ввиду процессов «обуржуазивания» массового сознания и «капитализации» экономической жизни. Одновременно мифологизация языка массовой коммуникации проходила и по линии «заимствования» партийно-советского опыта. Не только заимствования, но и щедрого использования в новой социально-исторической обстановке, с новыми прагматическими целями.

Так, уже отмечалось, что одним из приемов мифологизации социально-экономических процессов является замалчивание, утаивание определенных аспектов явлений с целью предохранения от опасности подрыва веры в политические и экономические действия. Р.Барт называет такой прием, такую риторическую фигуру «прививкой».

В первые годы Советской власти одним из проявлений подобной фигуры было употребление в публичных речах и в печати заимствованных, неизвестных широким слоям слов, чаще всего – латинского происхождения. Это делалось для обозначения явлений и процессов, известных народу под своими исконными именами. В ряде работ уже приводился пример лозунга «экспроприация экспроприаторов», что в основе своей означает не что иное, как «грабь награбленное».

Благодаря многим открытым теперь историческим документам стало известно, что стояло в ряде случаев за, казалось бы, прогрессивными и

невинными понятиями, такими как «национализация», «военный коммунизм», «коллективизация», «индустриализация» и т.д.

Как пишет известный российский историк и фольклорист А.Н.Афанасьев в своей работе «Происхождение мифа, метод и средства его изучения» («Древо жизни», М., 1983, с. 22), в древности значение корней было осязательно, присуще сознанию народа, который с звуками родного языка связывал не отвлеченные мысли, а те живые впечатления, какие производили на его чувства видимые предметы и явления. «Забвение корня в сознании народном отнимает у всех образовавшихся от него слов их естественную основу, лишает их почвы». Если слово вообще выбрасывается из лексики и заменяется чужим, не образным и доходчивым, непонятным в своем корне словом, то создается миф, уводящий сознание в сторону от истинного смысла обозначаемого явления или процесса.

В нашей истории были и примеры придумывания слов на метафоричной основе родного языка с целью придания обозначаемому нового смысла. Например – «кулак», то есть хозяйственный крестьянин, фермер по нынешнему.

Потом был запущен термин «раскулачивание» – вдвойне миф, оправдывающий те беззакония, которые проводились в 30-е годы. Рядовые слова русской лексики «перегиб», «ударник», «отличник» и ряд других в результате массированного воздействия через прессу, радио, посредством наглядной агитации приобретали дополнительную концептуальность и в дальнейшем воздействовали на сознание уже как миф о допущенных перегибах или о всесии романтического самоотверженного труда. Понятие «продразверстка» тоже пришло из родного, великого и могучего языка. Обозначенная им система заготовок излишков хлеба и других продуктов привела к массовому голоду во многих районах России. А ведь

слово «разверстка» обозначает вполне безобидное распределение... Так сказать, – всем сестрам по серьгам.

В наше время на смену «национализации» пришла «приватизация». Это чуждое для себя, неживое слово народ быстро переделал в более понятную «прихватизацию». Приватизация заменила собой страшное по своей непроизносимости слово «разгосударствление», на котором сломал язык не один ведущий телевидения.

Народная этимология так же быстро раскодировала, демифологизировала понятие «демократия», обозначающее демократию в том виде, в котором она была осуществлена в России в противовес существовавшей при Советской власти авторитарности. Частое употребление слова в пропагандистских текстах СМК стало своеобразным мифотворчеством политиков и журналистов и обусловило появление переосмысленного по своему слова «дерьмократия».

Концепт (от латинского *conceptus* – понятие) в логике обозначает целостную совокупность свойств объекта. В естественном языке под концептом понимается то абстрактное содержание, понимание которого является необходимым условием адекватного употребления данного имени.

В.П.Руднев трактует это понятие как «затертый до дыр советский текст или лозунг, речевое или визуальное клише».¹

Массовая коммуникация придает тем или иным словам функцию концепта именно в силу массовости коммуникации. Слова «перестройка» и «ускорение» не выражали ничего более, как «переделка», «перестроение» в первом случае и «убыстрение» во втором. Но приобрели совсем неожиданные, концептуальные и – выше – мифические сущности. В одни

¹ Руднев В.П.. Словарь культуры XX века. М., 1999.

исторические периоды *кадры решали все*, в другие – *техника решала все*, в 80-е и 90-е годы ВСЕ должны были решить сначала *перестройка, ускорение*, потом – *демократизация, либерализация*.

У этого феномена современного языкотворческого процесса были свои исторические прецеденты.

Известный русский литературный критик и искусствовед, политэмигрант П.Муратов так писал об языкотворчестве начала века, имея в виду «изобретение» на не несвойственной русскому языку основе слов «большевик» и «меньшевик». «Нет, видно у слов есть своя странная и особенная судьба, и она не зависит даже от того, удачно или неудачно (уж чего неудачнее) было однажды сказано слово. Да и слово такой фантастической судьбы, как слово «большевик», перестает быть, в сущности, человеческим разумным словом. Оно становится криком бессмысленным и, однако, очень могущественным в силу соединенных с ним разнообразных страстей. Не следует поддаваться, однако, всем этим обманам слов». П.Муратов писал это в 1927 г. в статье «Запретные слова» (сборник «Ночные мысли», М., 2000, с. 174). В статье он далее исследует и судьбу таких «запретных слов», которые по воле идеологов и ведомых ими СМИ приобретают несвойственную им изначально концептуальность. Например, слово «империалист», которому в советской печати придавался умышленно двойной смысл. Это, во-первых, империалист - угнетатель (по К.Марксу) и доморощенный смысл империалиста-помещика, жаждущего восстановления в прежнем виде российской императорской власти.

Как отмечает П.Муратов, это была умышленная большевистская отсебятина. В 1917 г. русскому мужику и солдату весьма мало было дела до «угнетенных цветных народов». Слово «империалист» как инвектива было пущено именно во втором смысле и сыграло свою роковую для большевистской оппозиции роль.

Аналогичный прием был использован и так называемой демократической прессой в дни октябрьского противостояния в Москве в 1993 г., когда в СМИ в качестве характеристик для сторонников Верховного Совета РФ были запущены такие концепты как «красно-коричневые», «национал-большевики», «трудороссы», призванные воздействовать на массовое сознание угрозой рецидивов фашизма и авторитаризма. Из свежих концептов – «цензурирование канала», запущенный Е.Киселевым в своих апрельских тезисах.

Следует указать и на манипуляции с устоявшимися понятиями для придания им новой концептуальности посредством дополнительной префиксации и суффиксации. Примеры – в использовании разного рода суффиксов к корню «интернационал», «гуман» (интернационалистский, гуманитарный, гуманистический). Суффикс придавал концепту оттенок классовости, партийности концепта, выводя из ряда общечеловеческих понятий.

Префиксация также придавала старым словам новую концептуальность, способствующую мифологизации обозначаемых явлений и процессов. Как видим мифы и концепты делали одно дело. Во время кампании, развернутой СМИ в поддержку Б.Ельцина и иницируемых им реформ, было пущен в оборот концепт *«младореформатор»*. Россия уже устала от реформ и реформаторов. Приставка (морфема) «младо» должна была влить в старые мехи новое вино (по известным образцам – младогегельянец, младотурок, младограмматизм). Определение *«рыночник»*, заменившее собой презрительное «торгаш», поставило перед необходимостью ввести и концепт *«антирыночник»*, характеризующий противников реформ. Появились *неоконсерваторы, неолибералы*.

Ситуации, причины которых власть и пресса не могли толково разъяснить массам, стали называться *закритическими* (как это было в освещении трагедии подводной лодки «Курск»). Был введен для придания большей значимости принимаемым мерам по спасению экономики термин «*реструктуризация*». Собственно, это та же перестройка, но по форме звучит более глубокомысленно, научно, прогрессивно.

В период минувших в России выборов мощным концептом стало слово «медведь», сложившееся без префиксов и суффиксов, как аббревиатура, создание которой приписывают Б.Березовскому – **МЕ**жрегиональное **ДВ**ижение **ЕД**инство. Тут вновь мы видим воссоединение мифологизации и концептуализации. Пропаганда движения, ставшей ныне партией, в средствах массовой информации осуществлялась таким образом, чтобы создать положительный образ «Медведя» - сильного Шойгу, Карелиным, и Гуровым, и отрицательного имиджа движению «Отечество – Вся Россия» (сокращенного **ОВРаг**). Эта аббревиатура была создана в качестве отрицательного концепта лужковского блока. Интересно заметить, что 12 апреля 2001 г. в СМИ прошла информация об слиянии этих двух движений, на что «Независимая газета» ответила в заголовке одной из статей новой аббревиатурой – «**ЕДИОТ**». В 2003 г. партию «Единая Россия» в прессе стали называть «**ЕДРО**», видимо связывая смысл с «ядром, ядерностью».

СМИ, телевидение выступают проводниками многих силовых взаимодействий власти, общества, человека. Даже в случае со спонтанно-организованным протестом НТВ против запрета канала человек был растворен в массе, уже сформированной властью и обществом. Над одной частью массы витали призраки репрессий, концлагерей и духовной цензуры и она поддерживала НТВ, глубоко не вдаваясь в суть конфликта и внутренние пружины политической акции. Другая часть воспринимала

происходящее с традиционной точки зрения: «власть всегда права», (тем более, если мы за нее голосовали). Огорчительно, но власть, общество еще не создали средства массовой коммуникации для свободного от всякой предвзятости и мифологичности искреннего и откровенного разговора с человеком.

7. Игра в «сенсацию» как безнравственность

Эту главу мы построили большей частью на примерах из области фотографии – старшей сестры телевидения, к помощи которой обращается ТВ и предметно (в качестве выразительного средства для телекоммуникации), и идейно (как составной части языка визуального искусства, мышления в образах).

Как пишет старейший историк и теоретик фотоискусства С.А.Морозов, творчество трех фотографов – русского М.Дмитриева, американца А.Стиглица и француза Э.Атже наиболее отчетливо характеризует на рубеже XIX-XX вв. поворот фотографии к правде жизни, к журналистско-хроникальной фотографии, которая “стучалась во врата визуальных искусств”.

Когда главный герой американского фильма “Кинг-Конг” – человекоподобная обезьяна – расстрелянный на крыше небоскреба из вертолетов, обрушивается на землю, первыми на него забираются фоторепортеры. Поверженное чудовище – это сенсация.

Один из героев фильма Ф.Феллини “Сладкая жизнь” кончает с собой, предварительно убив двух своих детей. Жена его в этот момент находится в городе. На остановке автобуса ее ожидает следователь чтобы как-то подготовить к случившемуся. Пронюхавшие об этом фотокорреспонденты набрасываются на появившуюся женщину, делая

десятки снимков. Женщина улыбается, думая, что ее приняли за кинозвезду. Это – сенсация.

Слово “сенсация” (фр. sensation, лат. sens чувство, ощущение) имеет несколько значений. Первое – необычайно сильное впечатление, произведенное каким-либо событием, известием. Второе – событие, сообщение, производящее такое впечатление. Есть и третье значение - «смысл». В польском, белорусском языке, например, слово «сенс» или «сэнс» означает «смысл».

Чем поражает зрителя в первую очередь картина русского живописца К. Брюллова “Последний день Помпеи» (1830-1833) ? Или И. Репина “Иван Грозный и сын его Иван” (1885)? В.Верещагина “Апофеоз войны” (1870-1871)? При всех художественных особенностях картин (композиция, колорит, изображение трагичности движения у Брюллова и трагичности покоя у Репина и Верещагина), эти произведения живописуют сенсацию и сами являют собой художественную сенсацию.

Первопроходцы на ниве фотоискусства и фотожурналистики – современники названных художников. Когда К.Брюллов писал свою “Помпею”, уже были получены первые фотоснимки статичных пока объектов. Пройдет два-три десятка лет и в объектив фотоаппарата впервые попадет война. Затем последует Парижская Коммуна, съемки из районов голода и эпидемий, катастрофы аэростатов и снова – войны и революции. Действительность богата на такие выдумки.

Одновременно с В.Верещагиным сцены русско-турецкой войны конца 70-х гг. уже отображали фоторепортеры, хорошо понимая значение эмоционального воздействия на чувства и сознание зрителя.

Если мы говорим о воздействии *нового* и *новости происходящего* на зрителя, то имеем в виду и эмоционально-эстетический аспект этого

воздействия. Именно так воздействует на зрителя сенсация. Но не нужно думать, что сенсация обязательно должна быть чем-то новым изначально.

В широком смысле художественный образ, изящная метафора, острый каламбур да и просто анекдот – это эмоциональные и эстетические минисенсации. Игра ума обладает эмоциональным воздействием и эстетическим значением вне контекста времени, хотя, разумеется, есть понятия злободневности сатиры и “свежести” анекдота.

Однако есть вневременные образования сенсационного характера, в основе которых художественный или литературный образ, метафора, знак мудрости и чистоты души. Чарли Чаплин – это всегда сенсация. Или Луспекаев в “Белом солнце пустыни”, В.Тихонов в кино- и телефильмах. Такие образования есть и в кино- и теледокументалистике, что делает их не только документальной, но и художественной реальностью. Вальтер Беньямин писал о том, что в пластических искусствах неизбежно создаются культовые произведения. Талантливо выбранная и воссозданная в произведении натура, возвышаясь до обобщения, придает образу признаки избранности, независимо от того, кто или что изображено на картине.

Фотография, документальное кино воспроизводит саму действительность. Но отражает лишь тот момент, который *пожелал* отразить фото-, кинодокументалист, взяв в кадр и нажав затвор.

Этимологические словари русского языка указывают на родство значений слов “желать” и “жалеть”. Нам представляется, что в выборе пространства и времени съемки рациональное суждение ее субъекта неотрывно находится от эмоционального, то есть сердечного позыва. Конечно, желание что-то снять может быть продиктовано, если сослаться на М.Вебера, лишь целерационально, с ориентацией на успех. К сожалению, стремление к сенсации обуславливается в современной

коммуникации, в том числе и электронной, прежде всего по этой причине. Принцип “чем круче, тем лучше” приносит коммерческий успех и делает нередко имя журналисту. Но какой ценой! Фотоснимки корреспондента Радио “Свобода” А.Бабицкого, многие кадры телевизионных операторов, снятые в Чечне, говорят об этом как нельзя лучше.

В случае ценностно-рационального подхода к отражению действительности в мотивах, действиях и поступках журналиста *желание* снять сенсацию нераздельно с *жалением* объекта съемки. Когда эти мотивы совпадают и щелкает затвор, и создается вневременная действительность, о которой говорили В.Беньямин, Р.Барт, А.Картье-Брессон применительно к фотожурналистике. В области кино- и теледокументалистики и шире – художественного творчества об этом имеется много высказываний художников и писателей, критиков и литературоведов.

Фотожурналистика, кино- и теледокументалистика создает для современников и потомков в подобных случаях *непреходящую сенсацию*. Те репортеры, которые гонятся за сенсацией как таковой, гонятся за ней как за своеобразным шаром, который собьет враз все фигуры на поле. Они разрабатывают лишь верхний пласт новизны события. Они показывают остроту и непосредственность голого факта, щекочащего нервы обывателя перед спокойным сном. Разумеется, это являлось, и чем дальше, тем больше является хлебом документалистики, ее основной коммерческой целью.

Гораздо глубже и художественнее воздействие сенсации, производящей впечатление *новости происходящего* и тем самым – впечатление *со-видения, со-видительства, со-жаления* (собственного свидетельства, сожаления, сострадания, соболезнования) тех, кто воспринимает эту сенсацию спустя год, а может быть, и столетия.

М.Бахтин писал о *данном* и о *соз-данном*, которое гораздо шире и глубже *данного*. Так вот, есть сенсации данные, которые получаются сами по себе, невероятно-радостные или невероятно-трагичные. И есть сенсации созданные. Мы имеем здесь в виду не придумывание, не нагнетание событий (хотя и этого хватает в массовой коммуникации, на ТВ), а создание вневременной сенсации из сиюминутных данных действительности, в которой проявляется нечто необычное и исключительное. Сенсации, в образном построении которой непременно должно присутствовать и эмоциональное, и рациональное, ценностное начало. В которой должен быть смысл, а не один лишь привкус звериного биологического удовольствия.

Такое свойство документального отображения факта нового, когда момент самого события или явления уже миновал, не многим дано. Пронзительной вневременной сенсацией обладает, к примеру, снимок К.Буллы 1915 г. «Бал серебряных париков». На нас смотрит с него глазами лучших, достойнейших людей богатой и культурной страны ушедшая, низвергнутая Россия. Они как бы спрашивают нас: «А куда же вы идете? Ради чего вы нас погубили?».

Съемка такого момента может быть действительно моментальна, но к этому моменту репортер готовится годами. И готовится рационально, то есть прокручивая в голове возможные сюжеты, случавшиеся когда-нибудь и где-нибудь, или те, которые гипотетически, вероятно могут случиться. Разумеется, изучается опыт мастеров старших поколений, технические возможности камер. Но в основном изучается жизнь, жизненные ситуации, жизненные типы. Экстраполируются на самого себя экстремальные ситуации, случавшиеся с другими людьми и т.д.

Просматривая журналы по фотографии старых лет, автор встретил ряд публикаций, касающихся анализа обстоятельств, когда происходит

момент фотосъемки. Когда именно следует нажать кнопку затвора? Видимо, это чисто механическое действие вырастает в серьезную творческую и философскую проблему, раз она волнует многих.

Знаменитый французский фоторепортер А.Картье-Брессон говорит в одной из публикаций чешского журнала “Фотография” прежних лет, что есть два вида фотографии. Один, когда люди открывают, и другой, когда они делают то, что заранее задано. На взгляд мастера, жизнь бесконечно богаче, глубже, когда стараются ее раскрыть. Свидетельство фотографа является таким же средством изображения, как карандаш или кисть. Фотограф ориентируется во времени и пространстве, имея в виду сюжет и себя. Он должен забыть все, думая лишь о том, как через простую, но значительную деталь показать действительность, успеть молниеносно нажать спуск в нужное мгновение.

А.Картье-Брессон пишет, что поднося аппарат к глазу, фотограф интуитивно сосредотачивает на одной линии глаз, мысль и сердце. Именно эта доля секунды является для фотографа единственным моментом созидания. Это и есть накопление опыта, жизненного стиля, образа мышления, культуры, эмоциональности, воображения, случайности...¹.

“Увы! Многие фото при моем взгляде на них не подают признаков жизни”, – пишет Р.Барт в книге «Camera lucida». В фотографиях должна быть заключена жизнь даже будучи остановленной. Читатель спросит: а как же трагические снимки? Снимки исхода из жизни? Эти запредельные вопросы имеют все тот же ответ – умом постигая этот исход, человек, *со-чувствуя, пере-живая*, сохраняет и продлевает жизнь на земле. Важно вызвать это сочувствие, а не отторгнуть его. Так делали К.Брюллов, И.Репин, В.Верещагин в названных картинах, многие другие настоящие художники.

¹ Картье-Брессон о своей работе. //Фотография, 1965, №2.

К.Симонов в своих дневниках “Разные годы войны” сетовал на то, что суровые законы цензуры, да и собственная совесть, не позволяли снимать кадры отступления наших войск в 1941 г., горькие и трагические сцены бегства гражданского населения. Однако, как отмечает А.Вартанов, налаженный механизм визуальной информации (или дезинформации), партийная привычка к потемкинским деревням на фото- и кинокадрах вдруг дали трещину. В главной газете страны – “Правде” – в качестве иллюстрации к очерку “Таня” (о партизанке, повешенной фашистами, которая затем вошла в историю под своим подлинным именем Зои Космодемьянской) был помещен снимок снятой с виселицы девушки. Обрывок веревки вокруг шеи, запорошенное снегом лицо, обнаженная грудь – все это было совершенно немислимым с точки зрения господствующих представлений о допустимом в советской фотоинформации.

В этой своей статье “Неугодный свидетель”¹ А.Вартанов размышляет об этической стороне съемок трагических событий, приводит примеры, когда фоторепортер Я.Халип в такой ситуации нажал спуск, а Д.Бальтерманц нет. Но, думается, наше положение о целерациональной, отстраненности фотографа от события с одновременным ценностно-рациональным и эмоциональным участием в нем должно оправдывать подобные съемки журналистов. Снимки продлевают жизнь события, людей и имен с ним связанных.

Тот же А.Вартанов приводит в другой своей статье “Момент истины и истина момента” слова А.Карте-Брессона: “снимок – сочетание взгляда, сердца и разума, возникшее в какой-то единственно важный момент”². В той же статье говорится, что на выставке “Интерпрессфото” была

¹ Впервые опубликована в журнале “Журналист” ы 1995 г. Вошла в двухтомник “Власть, зеркало или служанка? Энциклопедия жизни современной российской журналистики. М., 1998, т.2, с.122-126.

² Вартанов А. “Момент истины” и истина момента.// Советское фото, 1969, №10, с.26.

фотография японского репортера Нагао “Убийство Асанумы”. Время на ней предельно сжато. Лидер японских социалистов был убит на многотысячном митинге. Убийца с ножом в руках выскочил на сцену и на глазах у всех бросился на Асануму. Тот имел буквально несколько мгновений, чтобы осознать грозящую ему опасность и попытаться предотвратить ее. Как это часто бывает у жертвы, обреченной на гибель, она цепенеет при виде убийцы. Застылость позы Асанумы и нереальность ее чем-то напоминает описание убийства в “Преступлении и наказании” Достоевского. Драма, описанная в романе в определенном отрезке времени, на снимке Нагао показана в одном мгновении. Однако в этом мгновении читаются предшествующие моменты, что дает ощущение протекания события. На наш взгляд, именно это воспринимаемое зрителем ощущение движения времени и позволяет “жить” снимку при его дальнейшем восприятии.

Видный теоретик фотографии Л.Дыко также останавливается в своих работах на проблемах сочетания рациональности и эмоциональности в выборе темы снимков, пространства и времени их осуществления. “Жизнь показала, что процесс фотографирования управляем, что в нем заложены широкие возможности не только сознательного конструирования снимка, но и проникновения в социальную и историческую сущность изображаемых явлений”¹. Мы бы уточнили это высказывание: “и эмоционального проникновения”.

Не случайно говорят “проникновенная картина”, “проникновенное фото”, “проникнуться чувством”. Книга Ролана Барта “Camera lucida” написана как раз на тему: что заставляет зрителя проникнуться чувством сострадания, удивления, умиления, радости, восхищения, гнева (этот ряд

¹ Дыко Л. Момент съемки. // Советское фото, 1969, №5, с.36.

можно продолжать и продолжать) при восприятии того или иного кадра? То есть теми чувствами, которые как бы оторвал от себя и вложил в свое произведение снимающий?

Барт с этой точки зрения анализирует (это нельзя назвать анализом, это скорее раздумья, размышления) несколько снимков, привлечших, остановивших его внимание. Однажды он листал иллюстрированный журнал. Его внимание привлекло одно фото: восстание в Никарагуа, улица в руинах, которую патрулируют два солдата в касках. На втором плане проходят две монахини. Этот снимок стал существовать для Барта. Барт пишет: “Очень скоро я сообразил, что его существование (его”приключение”) зависело от соприсутствия двух прерывных, гетерогенных элементов, принадлежащих к разным мирам - солдат и монахинь. Я предчувствовал, что намечается структурная закономерность, соответствующая моему собственному взгляду, и старался сразу же ее верифицировать, обследуя снимки того же репортера (голландца Коена Вессинга). Многие из его фотографий привлекли мое внимание, потому что они заключали в себе ту же двойственность, которую я только что “застолбил”. Далее Р.Барт описывает еще несколько репортажных фотоснимков, на которых общее пространство и его объекты сначала вводят в развертываемый сюжет (его Барт называет *studium*), а потом какой-либо определенной деталью, сопоставлением, сравнением задерживают и не отпускают взгляд. Без этого эмоционального импульса, который Р.Барт называет *punctum* (разрез, проникновение) не было бы искусства фотографии. Вот как он объясняет такую особенность восприятия художественной фотокоммуникации: “Существует слово для обозначения этой раны, укола, отметины, оставляемой острым инструментом. Это слово тем более мне подходит, что отсылает к идее пунктуации и что фото, о которых идет речь, как бы отмечены, иногда

кишат этими чувствительными точками... Этот второй элемент, который расстраивает *studium*, я обозначил бы словом *punctum*, ибо оно значит в числе прочего: укус, дырочка, пятнышко, небольшой разрез, а также бросок игральных костей. *Punctum* в фотографии – это тот случай, который на меня нацеливается (но вместе с тем делает мне больно, ударяет меня)”¹.

Заканчивая этот дискурс хотелось бы добавить лишь следующее. Р.Барт называет явление, характеризующее репортажный снимок в качестве художественной коммуникации “приключением”. В нашем понимании оно трактуется как “сенсация” в смысле его ценностно-рациональной фиксации фото- и теледокументалистом и одновременной эмоциональной проникновенности.

8. Сущностно-содержательные аспекты нового в телевизионном тексте, делающие его нравственным и публицистическим

Телевизионную массовую коммуникацию необходимо рассматривать как и иного рода массовую коммуникацию в первую очередь с точки зрения возникновения в процессе и посредством этой коммуникации *нового* – нового качества жизни, качества знания, качества человеческих отношений. Это новое является подвижкой-сдвигом, развитием, улучшением прежнего качества жизни, знания, социальных отношений в сторону их этичности, постижения истины, а не отхода от нее, в сторону гармонизации и эстетичности их форм и содержания. Нравственная отзывчивость личности, индивида на такое *новое* – совесть, эстетическая отзывчивость – стремление человека к красоте. Вкупе с новыми идеями

¹ Барт Р. *Camera lucida*. - М., 1998, с.40-45.

подобные масскоммуникативные процессы возвышают сознание человека в целом.

По данным агентства «TNS Gallup Media» российская аудитория в целом предпочитает развлекательные программы телевидения. Например, подведение итогов за период с 26 мая по 1 июня 2003 г. показало, что в десяти наиболее популярных передачах значатся шоу «Поле чудес», юбилейный концерт В.Шаинского, гала-концерт победителей «Фабрики звезд – 2», телеигра «Кто хочет стать миллионером?» (все – I канал). Если применить к этим предпочтениям нашу схему (что нового получили в них телезрители) – А) в отношении знания; Б) в отношении красоты; В) в отношении морали, то, полагаем, к положительному ответу можно прийти лишь в пункте Б (новые музыкальные мелодии, художественное оформление студий, исполнение артистов, ведение передач с большей или меньшей степенью художественности и таланта – конференс, разговорный жанр).

Пункты А и Б практически провисают. Нельзя же считать полученные при просмотре передач «...Стать миллионером» сведения новыми настолько, чтобы пробудить в зрителе новые идеи, мысли, позыв к собственному продуктивному творчеству. Азартная игра есть азартная игра, она может обладать определенной эстетикой, эстетизм может быть заложен создателями, опять же при определенной степени талантливости, в изящно сконструированной логике игры. Но насколько безукоризненной должна быть эта логика, логика разгадываемой формулы, творящегося при этом личного зрительского открытия (изобретения, изобретения – по М.Бахтину и Р.Барту), чтобы испытывать от перипетий игры не только эстетическое, но и интеллектуальное наслаждение!

В какой то мере является познавательной и даже открыто публицистической передача «Поле чудес». Иногда создается впечатление,

что эта игра напоминает другие, с более серьезным подтекстом, не такие явно скоморошеские. В определенных моментах вспоминаются эпизоды передачи «От всей души» – разговоры ее ведущей В.Леонтьевой с гостями студии, москвичами, но чаще с провинциалами. Гости, особенно приехавшие в столицу, по их представлениям – в культурную Мекку, как на праздник, простодушно раскрывали себя в разговоре, показывали такие стороны и глубины своего характера, которые давали зрителю приобщиться к новому, неизвестному ему доселе видению мира, прочувствовать судьбу другого человека, обогатиться новым опытом, новым знанием, сделать свое пусть маленькое, но – открытие. В этом данной передаче была близка в 70-е годы другая, тоже создававшаяся молодежной редакцией ТВ – «Это Вы Можете», которую вел безвременно ушедший В.Соловьев.

У Л.Якубовича – разговор с гостями в паузах между верчением колеса является лишь популистским приемом, эксплуатирующим, иногда пошло, с отсутствием художественного вкуса и откровенно цинично, наивность и доверчивость русского человека «из глубинки», простодушие, заложенное в характере россиян. Так, как эксплуатировала эти качества передача «Знак качества», долгое время выходившая на постсоветском телевидении по каналу «ТВ-6», а теперь возродившаяся на дециметровых каналах. У В.Леонтьевой и В.Соловьева такого отношения к гостям студии, а через них – и к массовому российскому зрителю – никогда не было.

Именно этим – возможностью показаться на телевидении, побравировать перед родней и земляками (со стороны участников) и возможностью пообщаться (как в деревне на завалинке) или даже поиздеваться над дураками (со стороны зрителей) и привлекает передача «Поле чудес» провинциальную (а ее – большинство у 1-го канала) публику.

Но что нового она им сообщает? На какое действие, моральный поступок подвигает? Передача – сугубо развлекательная, ее публицистический заряд – рассказ о своей профессии, семье, интересах и увлечениях – минимальный. Не делает погоды и привлечение к участию в ней людей известных – артистов, политиков, чем сейчас «грешат» все каналы.

Тот же социологический опрос показал, что совершенно иные предпочтения обнаружались в просмотрах передач недели у москвичей. На первом месте телерейтинга оказались заключительные серии нового телефильма «Идиот» (13,5 %, т.е. 12,4 % зрительской аудитории.). Следом идут информационно-публицистические программы. Неделя была юбилейной (300 лет Санкт-Петербургу), передачи были в основном посвящены этому городу и его юбилею. «Специальный корреспондент» (канал «Россия») получил 10,8%, «Намедни» с Л.Парфеновым (НТВ) 10%, «Что? Где? Когда?» - 7,6 %, фильм С.Сорокиной «Янтарный призрак» – 7, 5% (эти передачи – 1-ый канал).

Как видим, наиболее просвещенная часть российской аудитории тяготеет к художественной классике, информационно-публицистическим программам. То есть к тем передачам, тексты которых не несут в себе одну лишь развлекательность, к передачам, дарующим новые смыслы, перетолковывающим устоявшиеся художественные и некоторые нравственно-познавательные значения и смыслы, актуализирующие их (как это проявилось в римейке «Идиота» И.Пырьева), поднимающим зрителя на новый уровень знания истории государства, знания современных проблем его развития.

Особняком стоит передача «Что? Где? Когда?», которая неизменно вот уже много лет привлекает зрителя именно способностью приобщать зрителя пусть к небольшим, но собственным открытиям в области

этимологии языка, мировой истории и географии, культуры и искусства.. То, что эти открытия зритель совершает почти что самостоятельно, «вживаясь» в образ лихорадочно соображающего игрока, в драматургию коллективного и индивидуального поиска истины, увеличивает ценность открытия, изобретения. Передача, таким образом, имеет и эстетическое и интеллектуальное воздействие на зрителя, она несет и нравственный заряд поведения – следование принципу «один за всех и все за одного».

Именно в силу исповедования этого принципа и культа интеллектуальности, создания В.Ворошиловым своеобразного «братства» игроков, передача и после его кончины, с новым ведущим – его приемным сыном Б.Крюком продолжает существовать в эфире.

Публицистичность игрового текста передачи “Что? Где? Когда?” заключена, если воспользоваться словами А.Вартанова, в нестандартности, подчас парадоксальности движения к истине, которую демонстрировали в лучшие свои годы члены “Клуба знатоков”¹. А передачи “нового поколения” – все эти “Миллионеры”, “Алчности”, “Слабые звенья” и “Большие стирки” рядом с проектом В.Ворошилова выглядят, по словам А.Вартанова, бледной тенью, если не карикатурой.

Коммерциализация телевидения привела и к изменению структуры телевизионного текста передачи “Что?Где?Когда?”. Ранние ее годы, когда характер “схватки” носил преимущественно духовный, бескорыстный характер, когда главной целью, желанным призом было духовное опять же вознаграждение – книга, собрание сочинений, сменились годами бескомпромиссной борьбы за крупные денежные призы, временем “интеллектуальнрго казино” и ведущего в роли его крупье.

Однако в последние годы жизни В.Ворошилов перестал все же определять достоинства игроков, их интеллектуальное творчество

¹ Вартанов А. Тень искусства. // Труд, 21 марта 2002 г.

денежной суммой выигрыша, передача стала выходить и по сети “Интернет” в режиме он-лайн, захватывая в орбиту интеллектуального противоборства мировую зрительскую аудиторию. Передача жила, развивалась, умножала познавательные, эстетические и нравственные смыслы. И очень важно, по какому пути пойдет она дальше с новым режиссером.

Как отмечает В.В.Налимов, западную культуру, истоки которой восходят к Средиземноморью, прежде всего можно охарактеризовать как страстную постоянную устремленность **к новым смыслам**. Но в то же время из-за невозможности задать совместную цель поиска трудно говорить о реализации некоего **назначения истории**. Отсюда - случившиеся в ней антигуманные витки и векторы развития. Но самая существенная характеристика – «поиск **нового** (выделено В.Н.) в мире смыслов сопровождался упорным противостоянием многообразию, что противоестественно, поскольку в мире живого царит многообразие, являющееся творческим принципом биосферы, нарушаемым теперь вмешательством человека, верящего в «научно-технический прогресс»¹.

Это противоречие может проступать и в нашем дискурсе, в котором мы пытаемся внести некую упорядоченность в хаотичные подчас фрустрации (от лат. *frustratio* – обман, неудача) современной телекоммуникации. Понятие “фрустрация” мы вполне осознанно переносим из области психических явлений, где оно в основном употребляется, на область деятельностного телевизионного творчества, то есть на “коллективное бессознательное”, когда субъекты коммуникации (телеканалы, телекомпании) в условиях нестабильной и неистинной в своей основе общественной ситуации, невозможности осуществления значимых

¹ Налимов В.В. Критика исторической эпохи: смены культуры в XXI веке. // Анализ систем на пороге XXI века: теория и практика. Материалы международной конференции. В 4-х тт. Т.4, кн. 2. М., 1997, с.13-14.

для человека целей, реагируют на это переключением на освещение мира грез и фантазий, усилением агрессивности своих коммуникативных действий.

Сущностно-содержательные предпочтения коммуникаторов в данном случае отталкиваются от сущностно-содержательных ожиданий зрительской аудитории, которая также находится в общем с коммуникаторами социуме и в условиях фальши, неискренности, непорядочности человеческих отношений (в экономической, духовной, политической сферах) готова релаксировать, погружаться в выдуманный, иллюзорный, нелепый до абсурдности мир, испытывать удовольствие от виртуальной агрессии и насилия и этим как бы самосохранять себя. Публицистичность текста в данном случае исчезает, остается лишь видимость публицистичности.

Многообразие форм жизни, активных биологических проявлений, ритуальных, обрабатывающих и добывающих действий как рефлексивного, так и разумного характера – это великий дар природы, который может вступать в противоречие в человеческом обществе с духовными (ментальными) действиями человека. Не углубляясь в философскую тематику, в диалектику биологического и социального, выделим важную для нас область социальных коммуникаций, в которой с началом либерально-демократических преобразований обнаружилось тяготение к массовому отражению всего спектра жизни человека, включая и ее сугубо биологические формы.

Анализ сетки телепрограмм за конец 1999 (год выборов в Государственную Думу), 2000-2002 гг. (годы выборов президента и начало нового президентского срока) с точки зрения тематики телевизионных документальных рубрик показывает, что львиную долю времени в них занимают фильмы и передачи, эксплуатирующие интерес человека к

проявлениям биологизма - смерти, насилию, агрессии, извращениям, различного рода уродствам и порокам, отклонениям от психики и т.д. Это с одной стороны. С другой стороны, эксплуатируется интерес к смеху ради смеха, то есть к животным, биологическим началам смеха, к смеху как раздражителю рецепторов, стимулирующих удовольствие.

Промежуточное состояние, которое также является конечной целью воздействия содержания телепроизведения (телепродукта, телепроекта) на зрителя, которое стремятся вызвать они у зрителей – это гедонизм, чувство удовольствия от созерцания красоты, даже если она несет безнравственный, уводящий от духовного смысла жизни оттенок. В данном случае восприятие этого действия не является для зрителя творческим, добывающим, оно носит ритуальный характер, сравнимый, например, с процессами биологической адаптации и воспроизводства в животном мире. Только у человека подобное ритуальное восприятие оторвано от жизни, оно искусственно, виртуально.

Моменты перехода от сущностной содержательности текста ТВ-коммуникации к его вычурной формальности весьма тонки. Еще более представляются неувимыми границы, отделяющие степень умножения и расширения новости со-бытия человека от начальной степени усреднения этого со-бытия или даже его деградации. Проследить эти переливы в текстах культуры чрезвычайно сложно, о чем говорили еще философы эпохи античности и просвещения.

Так, английский просветитель Д.Аддисон цитирует в своих эссе мысль Д.Локка о различии остроумия и рассудительности. “Люди с большим остроумием и живой памятью не всегда обладают самым ясным суждением и самым глубоким умом, так как остроумие зависит от подбирания идей и быстрого их соединения. Способность суждения, наоборот, зависит от другого – от тщательного разъединения идей с самой

малой разницей с целью устранения заблуждений в их типологической общности. «Этот образ действия прямо противоположен метафорам и намекам, в которых заключается занимательность и прелесть остроумия, столь живо действующего на воображение и потому всем столь угодного...¹

Способность строгого суждения в текстах современного телевидения все более отходит на второй план. Зато стремление «украшательства» их метафорами, игрой слов и смыслов, «перевертышами» и намеками, пересмешничеством и ерничаньем получило небывалое развитие. Разумеется, публицистический текст должен быть и занимательным, но эта занимательность, вплоть до дурно пахнущей скандальности, не должна быть самоцелью.

Современный же телевизионный публицистический текст перестает быть истинно нравственным и публицистическим, превращаясь в игру смыслов, намеков, столкновений знаков и значений. Особенно этим отличаются ведущие передачи «Однако» М.Леонтьев и М.Соколов. Одно дело, когда, например, спортивный комментатор в трансляции матча российской и грузинской сборной по футболу допускает метафору «сдвинуть процесс с *мертвой* точки». Метафора имеет глубокий пронзительный смысл, так как имеются в виду переговоры с бандитами, захватившими в заложники брата ведущего грузинского игрока.

Другое дело, когда по сути весь текст 15-минутного аналитического комментария состоит из написанных и произнесенных, трудно понимаемых на слух сравнений и метафор.

Вот что, например, говорил М.Леонтьев в передаче «Однако», посвященной реорганизации московского канала: Лужков – кремлевский

¹ Аддисон Д. Эссе в «Спектейторе»// Из истории английской эстетической мысли XVIII века. М., 1982, с. 113. См. также: Локк Д. Избр. философ. произведения в 2-х т. Т.1. М., 1960, с. 174.

Плюшкин, тащит к себе все подержанное кремлевское. Его команда – «крысятник», живут в ней путем загрыза. Еще одна характеристика Ю.Лужкова – «надувной прыщ». Добавляются соответствующие «знаковые» реплики из комедийных фильмов. Сейчас это является излюбленным приемом многих ведущих аналитических и публицистических программ, список которых возглавляет Л.Парфенов (НТВ): А.Архангельский (канал «Культура»), А.Караулов (канал «Россия»), С.Соловьев (НТВ) и многие другие. Нацеленность на игру словами и смыслами в какой-то мере решает проблему возникновения нового в силу переструктурирования известных текстов (о таком приеме писал Ю.Лотман), но подобная формальная перестановка не всегда является условием возникновения качественно нового содержания.

Метафора может озарить поле словесной битвы, когда в ней сражаются высокоинтеллектуальные и непременно поставленные в равные условия противники. Модератор, сталкивающий лбами (и в переносном и в прямом смысле – путем внутриэкранного монтажа) гостей студии и добывающий их с помощью других участников передачи – это лишь иллюзия содержательного и обновленного в реальном времени экранного события коммуникативного действия. Точно так же можно расценить и приемы ведущего, готовящего в качестве «домашней заготовки» текст и ослабляющего позиции оппонентов посредством выигрышных кинофрагментов. Такие принципы телевизионной коммуникации подрывают сами сущностные основы масскоммуникативного равноправного диалога, основанного, в первую очередь, на суждениях и умозаключениях, а не на злключениях агрессивного, якобы творческого и нестандартного ума.

В конечном итоге новое, если оно и возникает в подобных текстах телекоммуникации, то степень этой новизны – вычурно-формальная, а не

сущностно-содержательная. Человек, живя в том или ином бытии, о котором ему говорит текст, не умножает, не расширяет это со-бытие. Наоборот, происходит усреднение этого со-бытия – в лучшем случае до уровня анекдота, новеллы (занимательного рассказа), в худшем – до пошлого и безнравственного зубоскальства, которое приближается уже к животной, биологической сущности смеха не развитого духовно человека. А это ведет к его деградации. Этого ли добиваются телекоммуникаторы? Судя по их заверениям в прессе – цели перед собой они ставят иные – именно духовного роста личности.

Тот же Д.Аддисон отмечал странное и нелепое разнообразие человеческих поступков, которое, по его словам, ясно показывает, что они не могут вытекать непосредственно из разума, так как «столь чистый источник не выбрасывает такие замутненные воды»¹.

Это чисто биологическое разнообразие, на которое указывает философ просветитель, стало в современных «документизированных», то есть отталкивающих от реальности телевизионных текстах, которые по доброму счету должны были бы составить основу публицистических дискурсов, – главным содержанием многих так называемых ток-шоу. И если вернуться к мысли В.В.Налимова о характерных чертах современного поиска **нового**, то, думаем, она требует в нашем контексте корректировки. Уточнение необходимо в том смысле, что биологическое разнообразие заслуживает объективного и беспристрастного рассмотрения в естественных науках. Делать биологическое разнообразие человеческого поведения, действий и поступков объектом безоценочного и беспристрастного рассмотрения, объектом журналистской сенсации, на наш взгляд, безнравственно и недопустимо в массовой коммуникации. Недопустимо это по той причине, что подобная телевизионная

¹ Аддисон Д. Указ. соч., с. 179.

коммуникация не отвечает сущностным характеристикам МК. Во-первых, – по причине формальной новизны информации, сообщаемой при этом, а во-вторых, потому что воспринимающий подобную информацию зритель не умножает свое духовное бытие, духовное со-бытие с миром себе подобных, так как при просмотрах таких передач он чужд бытию происходящего на экране, не происходит в целом новости человеческого со-бытия (нет события – нет со-бытия).

Можно подойти к этой проблеме и с другой стороны, с точки зрения М.М.Бахтина: есть данное, но нет со-зданного.

К числу передач, обладающих свойством нагромождать «данное» (как правило - сенсационное и эпатажное) без последующего внятно сформулированного «со-зданного», то есть без упорядочения силами ведущих беспорядка и хаоса, царящего, как выясняется каждый эфир, в нашем обществе, отнесем тексты таких передач как «Большая стирка» (1 канал), «Принцип домино» (НТВ), «Моя семья (канал «Россия»), «Момент истины» (ТВЦ). К сожалению, даже в таких «фирменных» и более серьезных передачах как «Времена», «Основной инстинкт» (1 канал), «Культурная революция» («Культура») случается, что вопросов после эфира у зрителей не убавляется, а прибавляется, оценки даются весьма скороспелые и произвольные.

От великого количества перебивавших на этих передачах людей (а Интернет зазывает все новых и новых), со все новыми причудами и даже явными отклонениями от психики телезритель не вынес нового знания, а юный зритель с неустоявшейся психикой даже может воспринять многие примеры их поведения в качестве образцового для себя. Пошловатые сентенции ведущего «Моей семьи» В.Комиссарова не расставляют акценты, не заостряют проблемы, выводя их в русло требующего дальнейшего решения разговора, а пускают на самотек, сняв «сливки» с

откровенных душевных излияний наивных и простодушных участников. Создается впечатление, что ведущий наскоро, до того как завершится передача, стремится примирить добро со злом и вновь искать зло для такого театрального примирения. Новизна – это отношение объекта к нашим познаниям. Сцены, разыгрываемые в студии, в этом смысле обладают новизной для зрителя. Но «вещь может быть нова и все же не обладать никаким приятным свойством» или же «давать знания, добавляя к ним приятные ощущения... Новизна, не связанная с полезностью, не может доставлять удовольствие ни одному человеку, обладающему хорошим вкусом, подобно тому, как мы не можем назвать мудрым того, кто надевает каждый день новый костюм и каждый раз ложится спать в новую кровать»¹.

9. ТВ-коммуникация как умножение новости со-бытия людей

“Болтовня, болтовня... Если бы вместо болтовни каждый сделал бы хоть что-нибудь, хотя бы попытался...” – говорит герой фильма А.Тарковского “Жертвоприношение”. Но и в разговорных жанрах, жанрах так называемого ток-шоу, можно по-разному говорить. Сравним ту же передачу “От всей души”, которую вела в 70-е гг. В.Леонтьева и современное “Поле чудес” с ведущим Л.Якубовичем. Сравним по степени значимости информации, поступающей посредством слова.

Даже принимая во внимание разницу в жанровых характеристиках – очерковой и игровой, рассказы участников второго ток-шоу о себе и их обыгрывание ведущим не должны быть такими примитивными и глупыми, рассчитанными лишь на весьма непритязательную аудиторию. Даже

¹ Рид Т. Лекции об изящных искусствах. // Из истории английской эстетической мысли XVIII dtrf/ V/? 1982, с. 294.

откровенный балаган выводил на Руси к значимым для народа проблемам, через балаганные, ярмарочные новости люди узнавали нечто новое для себя, в смехе – нравственно очищались.

Когда-то передача “Поле чудес” отличалась (для российского зрителя) хотя бы новацией в области самого жанра телеигры, развлекательного ток-шоу. Теперь нет ни новаций, ни творческого новаторства. Это доказывают и многочисленные пародии на прием, в том числе и последняя – в области кино (фильм “Сдвинутый”, с участием артиста А.Панкратова-Черного, показанный в начале апреля 2001 г.).

Телевизионные передачи последних двух лет “Моя семья”, “Алчность”, “Как стать миллионером”, “Слабое звено”, “За стеклом”, “Большая стирка”, “Принцип домино”, “Русская рулетка” и другие отличаются лишь новациями во внешних постановочных эффектах и в самом принципе “драматургии”. В основе последней – борьба за деньги, соперничество с другими за успех, невзирая на средства его достижения. О благородстве и целомудрии (то есть цельной мудрости, а не ущербной мудрености) на ТВ давно забыли.

Следует еще раз отметить, что большинство этих передач отличает разнузданная свобода самовыражения их создателей и участников – вплоть до пошлости, открытого хамства, непристойностей тупоумия с претензиями на остроту ума.

Достаточно, например, сказать, что во многих ТВ передачах марта 2002 г. (“Свобода слова” с С.Шустером, “Культурная революция” с М.Швыдким и др.) звучали дмусмысленности относительно рекламируемых прокладок, сравнения думских фракций то с “крылышками”, то с ногами, намеки на важность центра и тому подобные высказывания. Видимо, в этом ныне видится на ТВ свежесть и новизна социальной и эстетической информации, без которых она не будет воспринята зрителем.

И все это – из уст известных политиков, культурных деятелей, ведущих ТВ – ради дешевой сенсации, саморекламы. Сенсация здесь выступает в роли некой чрезвычайно смелой новации, но отнюдь не истинной новизны бытия, берущего за сердце откровения, “сенсориума ума” по Г.Спенсеру в высоком философском смысле.

В дискуссионной рубрике “Сумерки литературы: закат или рассвет?” (номер от 20-26 марта 2002 г.) “Литературная газета” опубликовала статью К.Кокшеновой “Элите захотелось портвеша”. Автор приходит к выводу, что современное *либеральное литературное пространство* (здесь и далее курсив К.К.) – это пространство без веры. С первых перестроечных лет велась активная битва против народа – совка, народа – урода, народа – тупицы. Она продолжается и ныне. *Либеральное литературное пространство* (аналогично можно дать определение и *либерального телевизионного пространства* – В.Б.) – безыдеально. Либерал живет в своем кругу, имеющем выход в сторону не православного Востока, но атеистического и интеллектуально-изошренного (вплоть до распада) Запада. Все эти десять лет либеральная литература *убивала любовь*. *Убивала любовь к своей стране*, описывая ее как тоталитарного монстра. *Убивала любовь к значительному и серьезному*. Простому обывателю и “культурному читателю” (и зрителю – В.Б.) было внушено, что стыдно чувствовать себя значимым, если нарушаются права человека. Очень быстро все консервативное, сохраняющее традиции было противопоставлено свободе. В контексте данного исследования надо добавить – противопоставлено свободе как смелой новации, которая несовместима с авторитетом традиционной русской культуры, огромным нравственным потенциалом нашего телевидения и радио 50-80-х гг. Это телевидение было разрушено новаторами-либералами, вставшими у соответствующих кнопок. Где им было прикоснуться к вечности и вспомнить, например,

слова гражданского гуманиста XV в. Аламанно Ринучинни о том, что волю, выбор должны диктовать не чувства, но разум, и потому подлинную свободу обретает тот, кто следует мудрости, а не страстям, влекущим к пороку. О том, что любовь к свободе – лишь потенция, для осуществления которой необходимы волевые усилия личности.¹

Как пишет автор “Литературной газеты”, либерализм *воспринимать всегда проще и комфортнее* хотя бы потому, что он не учит (не требует) говорить “нет”. Он “позволяет все”: хочешь – пиши матом, говори об извращениях и не соблюдай правил русского языка. Упадок либеральной литературы (и здесь мы, соглашаясь с автором статьи, расширяем рамки пространства коммуникации до таких современных СМК как телевидение, кино, радио, театр), состоит в том, что человек в соответствующих вербальных и визуальных текстах, так же как и человек, воспринимающий текст – существо *изобретенное* коммуникатором.

Да, действительно, либеральная литература (читай – либеральные СМК, либеральное телевидение) произвели, как говорится в публикации, *революцию инстинкта*. (курсив наш – В.Б.). Апеллируя к нему, они неизбежно двигаются в сторону виртуального зрелища, как дающего более сильный эффект эмоциональной, вплоть до патологии, сенсации. Наслаждения, когда реальное человеческое чувство кажется пресным и слишком элементарным. Новость биологического сигнала-раздражителя (какофония звуков, феерия красок и цветов, калейдоскопичность того и другого) заменяет новость эмоционально-духовного воздействия. Вспоминается провидческое высказывание П.А.Чаадаева о биологическом

¹ Ринучинни А. Диалог о свободе. Цит. по: Брагину Л.М. Социально-эстетические взгляды итальянских гуманистов (вторая половина XV в.). М., 1983, с. 101.

эффекте звуковых вибраций. Все это приводит к аморализму и деградации, уничтожению извечных ценностей, присущих народу России.

Если продолжить тему революции инстинкта, то передачи цикла “Культурная революция”, который ведет М.Швыдкой, говорят не о какой-то мифической “культурной революции”, а именно о либеральной культурной революции, конкретнее – о революции инстинкта. Темы передач, сформулированы в целях провокации зрителей в утвердительном, а не вопросительном плане: “Секс – двигатель искусства”, “Без мата нет русского языка”, “Телевидение разрушило национальную культуру” и т.д. в этом роде. Среди участников передач очень мало представителей традиционной русской культуры, да и до них микрофон не доходит. Поэтому разговор сводится в конечном счете или к подтверждению изначального тезиса, или к стандартному выводу о том, что проблема серьезная и ее надо решать. Но не это в передаче задумывалось как главное. Главное – сенсация, анекдот, скандал, “скользкость” темы, позволяющая “пощекотать нервы” зрителям. Само появление в роли ведущего передачи по культуре – ее министра – уже сенсация. О.Кабанова пишет в “Известиях” в статье “Судьба министра на телевидении” (16.03.02) о том, что успех на телевидении обычно имеют люди, которые или удачно вписываются в традиционные театральные амплуа, или откровенно их разыгрывают. Так, В.Познер – благородный отец, Т.Миткова – роковая женщина, Е.Киселев и С.Сорокина – резонеры, М.Галкин – благодетельный юноша, Ю.Меньшова – невеста на выданье, Н.Фоменко – шут. Заметим, что в последнее время шутов на ТВ развелось неисчислимое количество.

По отношению к М.Швыдкому, как пишет О.Кабанова, приходится говорить как раз не о маске, а о реальном человеке, отчего испытываешь некоторую неловкость. Он именно – ведущий ток-шоу, но ведущий

абсолютно чуждый состраданию. Публичная рефлексия таких людей легка и неболезненна. “Это счастливый тип советского и постсоветского интеллигента, который в отличие от классического русского интеллигента – рефлексизирующего страдальца – всегда может найти себе место в жизни, – пишет О.Кабанова.

“Советская Россия” также посвятила циклу передач “Культурная революция” статью под названием “По культуре прошлись канделябрами” с надзаголовком “Министр Швыдкой, “академик” Познер и другие цинично смеются в лицо стране” (4.04.02). В ней делается акцент на то, что ведущий своей манерой ведения, самим подбором участников передачи стремится создать впечатление, будто все поднимаемые проблемы – легко решаемы, и не надо из них делать трагедии. “Все хорошо, прекрасная маркиза!”

Передача, о которой идет речь в статье, называлась “Телевидение разрушило национальную культуру”. Добавим, что закончилась она фразой ведущего: “А уж с культурой мы как-нибудь сами разберемся!”.

Эти сверхлиберальные «разборки» на министерском и депутатском уровнях приводят к тому, что уже с государственных трибун звучит не просто красное словцо, а полновесное матерное слово. Так происходит, например, при обсуждениях «Закона о русском языке», когда депутаты Жириновский и Федулов буквально навязывают приглашенным маститым лингвистам и журналистам необходимость массового употребления мата в целях обогащения, по их мнению, речевой коммуникации. И все это действие транслируется в вечернем эфире канала НТВ 25 февраля 2003 г. Попытки ряда профессоров унять эту языковую агрессию, вплоть до апелляции к свойственному только человеку чувству стыда, наталкивались на одобрительные аплодисменты приглашенных «групп молодежной поддержки». Профессора стали покидать зал.

По нашему мнению, без воспитания культуры (но не подобного рода просветительскими и информационными передачами), без участия в процессе представителей традиционной классической русской культуры, так легко, с анекдотом, с красным словцом, за которым – пустота, с культурой не разобраться. Нужен действительно “сенсориум ума”, подход человека не только “играющего”, но и размышляющего, страдающего за судьбу России.

Такого рода скандально-эпатажные передачи – это один вид превнесения новаций (не нового, не новости в высоком философском смысле этого слова).

Другой вид таких псевдоноваторских коммуникативных действий – изобретение “новости”. Иногда это делается, что называется, на голом месте, иногда – на основе каких-то имевших место реальных фактов, но с дальнейшим их искажением. Известный телеведущий, один из немногих оставшихся на ТВ (если не единственный) популяризаторов науки Лев Николаев в ночь на 1 апреля показал в эфире свою традиционную передачу “Цивилизация”. Многие из зрителей, даже искушенных в телеиграх, не успели еще включиться в традиционные первоапрельские розыгрыши. Поэтому рассказ солидного ведущего о биографии недавно рассекреченного гения российской науки, богатой революционными и всякого рода авантюрными эпизодами до самого конца передачи воспринимался всерьез. Зритель привык, как пишет в “Известиях” Ю.Богомолв (6.04.02) ко внедрению посредством телевидения разного рода легенд. “Более или менее достоверный исторический фон, густой слой сенсационности, видимость документальности, шепотка загадочности, толика литературной традиции, остальное доделывает неизбежное желание зрителей быть обманутыми”.

Л.Николаев талантливо создал пародию на подобного рода “открытия”. А ведь сплошь и рядом такие передачи, публикации в прессе, в том числе – научной делаются не в День дурака, а в остальные, “серьезные” дни года.

“Причина серости, бескрылости, занудной будничности нашего искусства, – писал в 1956 г., за день до кончины Александр Довженко, – заключается главным образом в том, что авторы произведений стоят холодные и равнодушные на одной плоскости с фактами, с предметом своих произведений. Высокое “умственное плоскогорье”, высота и ясность точки зрения художника-творца и глубина его мировоззрения под влиянием тридцатилетней энтропии уступили место делячеству, безразличию и спекуляции на реализме пресмыкающихся безыдейных и мелких. Нет ни любви, ни страсти нет”. (Литературная газета, 15.02.1989).

Спустя сорок шесть лет после этой записи в дневнике в сказанное надо внести два дополнения. Временное: энтропия продолжается, и именно на основе оскудения новых идей, глубоких прозрений, и гносеологическое: раньше творцы, коммуникаторы хотя бы отталкивались от реальных фактов, а теперь же факт – ничто, скандал, анекдот, сенсация – все. Одновременно с сумерками литературы, вторжением в нее безнравственности (последний факт – обвинение в распространении порнографии писателю Б.Ширянову (К.Воробьеву) в романе «Срединный пилотаж») общество переходит к сумеркам публицистики.

Как отмечал в своем выступлении в передаче “Утренняя волна” Свердловской ГТРК (Радио “Урал”) профессор С.Н.Некрасов, постиндустриальное общество уже показало и свои достоинства и свои недостатки, которые, к сожалению, заимствуются Россией. Это общество характеризуется упадком познавательных способностей, гибелью рационализма мышления, программированием сознания молодежи,

детской и подростковой аудитории. Так называемой “Поттерианой” у детей закладываются совершенно антипознавательные способности. Русские народные сказки нам говорят, что плохо, а что хорошо, и не формируют никакого плюрализма в вопросах морали. В нынешней прозападной постмодернистской культурной продукции – все смешалось, истина у каждого своя. “Мы считаем, – делает вывод С.Н.Некрасов, – что есть объективная реальность, она может быть разная, и отражение этой объективной реальности есть истина, и истина бывает одна, а точек зрения много, поэтому речь идет о сведении точек зрения к истине, к объективной истине”.¹

В таком стремлении расколоть, размельчить знание, истину, стремлении, о котором говорил еще П.Флоренский, видится главная задача целерациональной массовой коммуникации – создание мировоззренческого хаоса. А хаос в этом случае означает энтропию духа и морали. Только творчество, объединяющее усилия в поиске истинной духовности, может внести в этот процесс негэнтропийный импульс. Творчество по созданию нового как отражения соборности человека, отражения нового российского со-бытия и со-знания.

“И поэт, и жрец воспроизводят, повторяют в своем творчестве то, что некогда... “в первый раз” сделал демиург. Общество насущно нуждается и в том, и в другом, так как с их помощью преодолеваются энтропийные тенденции, элементы хаоса изгоняются или перерабатываются, мир космизируется вновь и вновь, обеспечивая процветание, богатство, продолжение в потомстве”².

¹ Цит. по: Поттеромания как конец западной цивилизации. // Советская Россия, 6 марта 2003 г., с.7.

² Топоров В.Н. Об “энтропическом” пространстве поэзии (поэт и текст в их единстве) // Русская словесность. Антология. М., 1998, с.220.

Определим более точно, уже применительно к телевизионной коммуникации человеческую деятельность в аспекте “изобретение – подражание”. Как уже отмечалось выше, даже в “подражателях” есть элементы, задатки творчества, так как, во-первых, всем людям присущи способности к эмоциональным переживаниям, а во-вторых, людям присущи способности испытывать наслаждение в потреблении информации и устранении при этом хаоса и неопределенности окружающей жизни.

Однако, потребность человека во внесении элементов порядка в хаос неизвестного зависит, по П.В.Симонову, от ряда других потребностей (витальных и социальных, идеальных и идеологических, этнических и космополитических). Но в то время, как самая большая группа человеческих потребностей относится к духовному миру человека, витальные (жизненные) потребности за счет своей эмоциональной составляющей часто выступают в человеческой жизнедеятельности в качестве генерализующих. Это происходит, как уже было сказано, потому, что функциональная потребность человека в эмоциональном насыщении захватывает (через психологизацию физиологии) и мир представлений и идей. В силу этого человек ждет уже такой информации, таких “экранных” событий, которые бы отвечали закрепляющимся в индивиде исподволь, с детства, эмоциональным ожиданиям.

В массовой аудитории разворачиваются и борются поэтому два со-бытия и два со-знания, осмысливающих бытие.

Основу первого со-бытия и со-знания, используя понятие М.М.Бахтина, можно назвать участным или инкарнированным бытием. Оно приоткрывается лишь для общения (посредством экрана) с таким же бытием, с таким же знанием других массовых зрителей и составляет в целом участное (инкарнированное) со-бытие и со-знание.

Основу второго назовем общественным бытием и знанием, которые воссоединяются в коммуникации, включая телевизионную, в общественное со-бытие и со-знание. Разумеется, и в первом, и во втором случаях границы частного и общественного на заданы раз и навсегда. Во-первых, потому что над всем социумом как данность, как со-зданность, довлеет сознание общей культуры. Во-вторых, пересечение происходит, по М.М.Бахтину, через человеческие поступки, осуществление которых составляет деятельностьную риторику человека.

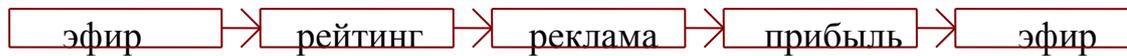
Весьма важна для дальнейшего приложения этой теоретической концепции к текстам современной телевизионной коммуникации следующая мысль М.М.Бахтина: “Вследствие того, что теория оторвалась от поступка и развивается по своему внутреннему имманентному закону, поступок, отпустивший от себя теорию, сам начинает деградировать. Все силы ответственного свершения уходят в автономную область культуры, и отрешенный от них поступок ниспадает на степень элементарной биологической и экономической мотивировки, теряет все свои идеальные моменты: это-то и есть состояние цивилизации. Все богатство культуры отдается на услужение биологического акта. Теория составляет поступок в тупом бытии, высасывает из него все моменты идеальности”¹.

Что заставило артиста В.Винокура начать свое выступление в одном из июньских “Аншлагов” с весьма двусмысленной пародии на арию из оперетты “Летучая мышь”: “Смычок опущен и мелодия пропала”? И это была самая мягкая двусмысленность из тех, к которым то и дело прибегают артисты, выступающие в “Аншлаге” и во многих других расцветших в последнее время “смехопанорамных” передачах.²

¹ Пешков И.В. М.М.Бахтин: От “К философии поступка” к “Риторике поступка”. М., 1996, с. 128.

² См. об этом, напр.:Вартанов А. Все, что поет и пляшет.// Труд, 8 мая 2003 г.

Но, видимо, увеличение подобных передач, подобных поступков их создателей и приглашенных, говорит о востребованности такого рода текстов современной массовой аудиторией. И востребованность эту подтверждают рейтинги передач. Массового зрителя руководители каналов уже убедили в том, что составление их программ целиком и полностью зависит от показателей опросов зрителей и выявления их предпочтений, которые, отметим, как раз и взращиваются продукцией их каналов. Но зрителя убеждают, что размещение рекламы, в свою очередь, зависит от рейтингов, а существование канала – от рекламы. Эта схема:

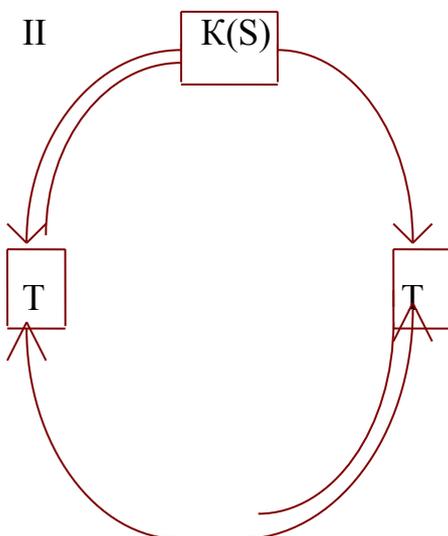
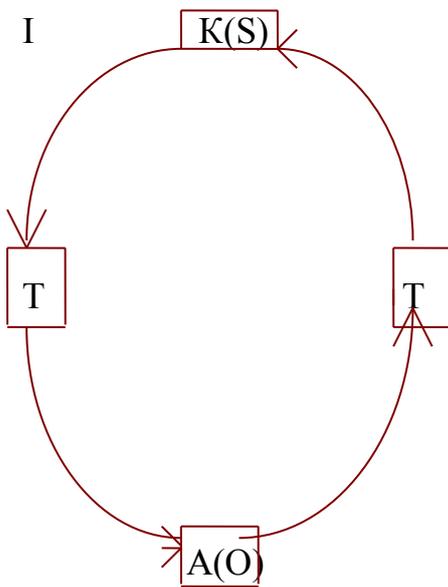
емко показывает сущность одного из векторов социокультурного цикла, а именно – личностно-потребностного.

Тексты, составляющие содержание циркулирующих потоков ориентированы на тот “пипл”, который, как стало широко известно после реплики Богдана Титомира (растиражированной В.Познером) эти тексты “хавают”.

Создается впечатление, что в российском обществе нет со-знания культуры, от которой нельзя отходить в бесчисленное множество удовольствий частного и житейско-бытового порядка. И что оскудевают поступки, призванные совершать коммуникационные прорывы сквозь границы двух видов со-бытия и со-знания – инкарнированного и общественного. При этом, эти поступки, являющиеся в конечном итоге риторикой, коммуникативным действием, а поэтому приобретающие духовную содержательность, могут совершаться в социокультурном цикле коммуникации как ее объектами (зрителями), так и субъектами (коммуникаторами). И векторы могут быть однонаправленными (когда

такой поступок коммуникатора накладывается на текст поступка зрителя, совмещается с ним) и разнонаправленными (текст коммуникатора как бы упреждает коммуникативное действие зрительской аудитории).

Графически это можно отобразить следующим образом:

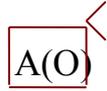
где К - коммуникатор

Т - текст

А - аудитория

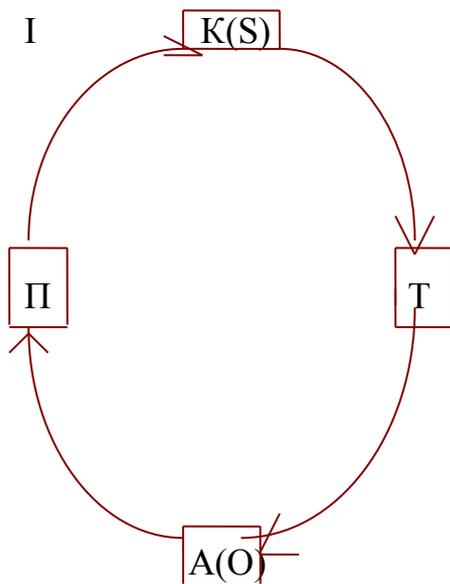
С - субъект

О - объект коммуникации

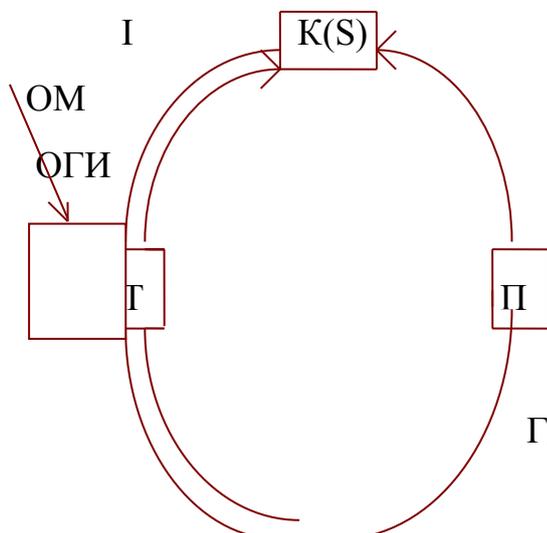
Без таких движений одного уровня со-бытия и со-знания на другой уровень смыслы текстов телевизионной коммуникации циркулируют следующим образом:

Личностно-потребностный (ЛП) смысл

Где П – предпочтения

Общественно-потребностный (ОП) смысл

Где П – предпочтения,

ОМ – общественное мнение,

ОГИ – общественные и

государственные институты

В современной практике телевизионной коммуникации редко бывает так, чтобы коммуникатор, ставящий себе задачу создания текста исключительно лично-потребностного, в процессе коммуникации резко поменял его смысл на общественно – потребностный. Один из таких случаев – публичное извинение (о нем говорилось выше) ведущего передачи “Сделай шаг” М.Кожухова перед ее зрителями за свою провокацию. Публицистическая передача с общественно-потребностными (ОП), как правило, текстами резко изменила тогда свой смысл, что не мог не понять ведущий. Чтобы сохранить прежнюю ориентацию всего цикла, он и извинился в очередной передаче. Однако обычно тот или иной проект, в какие бы переделки и невыигрышные этические или политические ситуации не попадали ее создатели и ведущие, имел свое продолжение. Исключений здесь немного, и они связаны преимущественно с финансово-постановочными и организационными проблемами (информационно-аналитическая передача “19.59” , “Арина” – 1 канал, «Открытые новости», «Анонимные собеседники», “Акуна Матата” – канал Россия, “Акулы пера” – ТВ-6, «Третья кнопка» – ТВЦ и ряд других).

Ныне тексты ТВ – коммуникации по выбранным нами каналам несут преимущественно лично-потребностные (ЛП) смыслы. Посягательство на святое право зрителя – смотреть то, что ему хочется, расценивается как “цензурирование канала”. Поэтому “мы имеем то, что мы имеем” – это уже слова В.Познера, неоднократно декларировавшие им в прессе. “Это может и не нравиться, но это так, это надо признать”, – говорил он, например, на встрече за “круглым столом” в редакции “Независимой

газеты”¹. Там же он справедливо отмечает, что относиться к аудитории свысока – это ошибка. Но в то же время констатирует, что самая популярная передача на нашем телевидении – “Поле чудес”. “Пипл хавает” – вот мотивировка коммерческого телевидения... Это мне не нравится, но я говорю о том, что есть, а не о том, что мне нравится”².

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Гуманитарная мысль, – писал М.Бахтин рождается как мысль о чужих мыслях, волеизъявлениях, манифестациях, выражениях, знаках, за которыми стоят проявляющие себя боги (откровение) или люди (законы властителей, заповеди предков). Научно точная «паспортизация» и критика текстов – выражение недоверия, в то время как вера требует только понимания или истолкования. Если взять этот тезис ученого за основу нашего исследования, то можно сделать вывод о двух векторах современной массовой коммуникации и такой ее имманентной части как телевизионная МК: критически-дискуссионном и адептивно-развивающем (от латинского adeptus – достигший, посвященный). До недавнего времени в отечественных общественных науках критически-дискуссионная (с перевесом в сторону голого критицизма) ветвь коммуникативного процесса обозначалась лишь по отношению к буржуазной идеологии. В основном коммуникация, включая журналистские тексты, носила адептивно-развивающий характер. В условиях новоявленного демократизма и либерализма векторы поменялись своим наполнением и направленностью. Недоверие выражается ко всему советскому, даже исстари традиционному (общественный, скромный и добронравный стиль жизни,

¹ Может ли телевидение быть свободным от морали?// Независимая газета: НГ-сценарии, 29.04.1997, с.7.

² Там же.

самоотверженность, добролюбие и бескорыстие в поступках). Вера потеряла свои духовные основы и принципы, растворилась в массе маленьких бытовых вер и «маленьких вер» кино и телевидения, приобрела несвойственный российским принципам миро- и жизнеустройства прагматизм, индивидуализм, множественность ценностных ориентаций. Из-под ног общественной жизни был выбит основной элемент традиционного российского социума – уважение друг к другу, который в отличие от, например, американского менталитета, «национального духа» прочнее цементировал ранее общество, чем страх перед законом. Таким образом, в общественном мышлении восторжествовал вектор, адептивно-развивающий плюрализм вер, а это значит – безверие. Самое страшное, когда это безверие прикрывается в коммуникации какими-то обрывками веры в человека и его предназначение, неискренними суррогатами веры.

Эти процессы являет и текст телевизионной коммуникации, принимающий все более адептивно-развивающий характер, пусть и на общем фоне демонстративно свободных критических дискуссий. Свобода высказывания на телеэкране переходит границы общечеловеческой этики, принимая формы новой веры, новой религии – вседозволенности. И телекоммуникаторы зачастую становятся ее адептами.

ЛИТЕРАТУРА

- Афанасьев А.Н. Происхождение мифа, метод и средства его изучения. // Афанасьев А.Н. Древо жизни. М., 1983.
- Баллестрем К.Г. Власть и мораль (основная проблема политической этики). // Философские науки, 1991, № 8.
- Березин В.М. Сущность и реальность массовой коммуникации. М., 2002.
- Буданцев Ю.П. В контексте жизни. М., 1995.
- Буданцев Ю.П. Ведущие образы нашего сознания. М., 2003.
- Барт Р. Мифологии. М., 1996.
- Барт Р. Camera Lucida. М., 1997.
- Бахтин М.М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа. // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. М., 1997.
- Брагина Л.М. Социально-эстетические взгляды итальянских гуманистов (вторая половина XV в.). М., 1983.
- Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.
- Вертов Д. Статьи, дневники, замыслы. М., 1966.
- Винер Н. Кибернетика и общество. М., 2000.

Власть, зеркало или служанка? Энциклопедия жизни современной российской журналистики. М., 1998.

Гаспарян В.В. Три этапа новейшей истории телевизионной журналистики (1985-1998). М., 2000.

Егоров В.В. Телевидение между прошлым и будущим. М., 1999.

Из истории английской эстетической мысли XVIII века. М., 1982.

Ильин И.А. Путь к очевидности. М., 1993.

Короченский А.П. «Пятая власть»? Феномен медиакритики в контексте информационного рынка. Ростов–на–Дону, 2002.

Лотман Ю. Семиосфера. Спб., 2000.

Мамардашвили М.К. Философские чтения. Спб., 2002.

Михалкович В.И. Очерк теории телевидения. М., 1996.

Морозов С.А. Творческая фотография. М., 1989.

Московичи С. Век толп. М., 1998.

Муратов П. Ночные мысли. М., 2000.

Налимов В.В. На грани третьего тысячелетия: что осмыслили мы, приближаясь к XXI веку. М., 1994.

Налимов В.В. Критика исторической эпохи: смена культуры в XXI веке // Анализ систем на пороге XXI века: теория и практика. В 4-х тт. Т.4, кн. 2. М., 1997.

Общество и книга: от Гутенберга до Интернета. М., 2000.

Основы журналистского образования. М., 2001.

Петровская И.Е. Сто одна неделя с Ириной Петровской. М., 1998.

Пешков И.В., М.М.Бахтин: от «К философии поступка» к «Риторике поступка». М., 1996.

Пристли Дж. Б. У телевизора. //Заметки на полях. Художественная публицистика. М., 1998.

Проблемы жанров в журналистике. Л., 1968.

- Руднев В.П. Словарь культуры XX в. М., 1999.
- Саппак В. Телевидение и мы. М., 1963.
- Синцов В.И. Полуправда. // Вопросы философии, 1990, № 6.
- Толстой Л.Н. Собр. соч. в 22-х т.. т.21. М., 1985.
- Топорков В.Н. Об «эктропическом пространстве поэзии (поэт и текст в их единстве). // Русская словесность. Антология. М., 1998.
- Флоренский П.А. Соч. в 4-х т. М., 1994-1995.
- Флоренский П.А. Имена. //Социс, 1990, № 3.
- Франк С. Реальность и человек. Спб., 1997.
- Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. Спб., 2000.
- Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика просвещения. Философские фрагменты. М.-Спб., 1997.
- Цвик В.М. Особенности реформирования отечественной системы телевидения в условиях информационного рынка. //Вестник МГУ, серия 10, 1998, № 3.
- Шкондин М.В. Средства массовой информации: системные характеристики. М., 1995.
- Хомяков А.С. Русская душа. Тысяча лет отечественного любомудрия. М., 1994.
- Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. В 2-х тт. Т.1. М., 1997.